

Дневник, 1893 г. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://to1stoyleo.ru/> приятного чтения!

Дневник, 1893 г. Лев Николаевич Толстой

[5 мая. Ясная Поляна.] Страшно подумать, не писал с 6 ноября 1892, т. е. полгода без дня. Всё это время был напряженно занят своей книгой: последней главой, и то еще не совсем кончил.

1893 г. Вчера 4 Мая приехали в Ясную из Москвы, где жил с перерывом всю зиму. Благодаря напряжен[ной] работе (кажется, я ни одного дня не пропустил) я как будто опустился в своей физической жизни: именно в физической работе. Во многом же, в особенности в требованиях относительно неучастия в зле мира, утвердился. Много уяснилось за это время в продолжение работы: вопрос свободы воли: чело[век] свободен в духовном, в том, что движет физическим. Были за это время в Бегичевке. Равнодушие к пошлomu делу помощи и отвращение к лицемерию. Сочувствие, выраженное моей деятельностью, было радостью перехода осудителя лицемерия в участники его. События за это время: возвращение Левы из Петербурга и его болезнь. Отношения мои к остальным членам семьи те же. Два мальчика, Анд[рюша] и Миша, в особенности Анд[рюша], в самом дурном и далеком от меня настроении. Маша увлеклась и опомнилась. Теперь здесь Булыгин. Над ним и Раевым был суд, и они борются. Вообще мне кажется, что борьба христианства и язычества у нас начинается, éclate.1 Надо и знать и быть готовым. Нынче первый день, что я не пишу свою книгу. Что буду писать, еще не знаю. Много было мыслей за это время, которые пропадали. Вспоминаю:

1) Произведение2 драматического искусства, очевиднее всего показывающего сущность всякого искусства, состоит в том, чтобы представить самых разнообразных по характерам и положениям людей и выдвинуть перед ними, поставить их всех в необходимость решения жизненного, нерешенного еще людьми вопроса и заставить их действовать, посмотреть, чтобы узнать, как решится этот вопрос. Это опыт в лаборатории. Это мне хотелось бы сделать в предстоящей драме.

Теперь час дня. Иду обедать. Завтра писать.

6 Мая. Ясн. Пол. 93. Если б. ж.

14 Мая. Ясн. Пол. 93. Пропустил неделю. Не видал, как прошла. Вчера отослал совсем. Плохо, так плохо. Я заболел, и это меня особенно побудило кончить: я свободен. Перечитываю начатое. Не знаю еще, за что возьмусь. Очень я нехорош всё это время. Недоволен своим положением, муча[юсь]. Хочу перемены внешней. А этого не надо.

15 Мая и 16 кажется. Я. п. 93. Написал вчера письма Ве[лло]ws, Бодянскому. Нынче Хилкову и Екатеринослав Кондратьеву. Нездоровится, дурно сплю. Перечитал написанное. Детский рассказ забрал меня за живое. Хочется кончить.

Думал: 1) Поразительно ограбление земли у нас в Херсонск[ой], Самарск[ой] губернии и др. И великолепии Москвы, арки для встречи государя и иллюминация. Или в Чикаго выставка и обезлесение, омерщвление земли. И всё это нам поправит наука искусств[енн]ым дождем, производимым электричеством. Ужасно! Истребят 98% и восстановят 2.

2) Одна из главных причин дурной жизни это то, что не знаешь, когда совершается важное дело – поворот, и проживаешь эту минуту без внимания. Вместо того чтобы подчеркнуть себе, что теперь экзамен, тут-то и сам и другие стараются представить это самое важное, поворотное дело ничтожным, тем более, что дело это самое важное, имеющее огромное мирское влияние, состоит большей частью в слове «да», «нет». Так это было со мной с разделом.

23 Мая. 93. Бегичевка. За это время пробовал писать «Дети», не шло. Не совсем поправился. Писал письма: Чертк[ову], Попову, Янжулу и двум франц[узам]: Dumas и Schröder.

Нынче написал Рыбакову о том, что есть, то разумно, по его мнению. Трогательно наивно. Был страшно не в духе дома. Приезжали Сопочько и Линденберг. Решил с Таней ехать 21. Поехали. Дорогой разговор с менонитами. Вчера был в Татищеве. Бедность ужасна. Ужасен контраст. Ходил по тифозным и к стыду – жутко.3 1) У

Дневник, 1893 г. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Вани естественно научные книги о почве, о пределах естествознания, о механическ[ом] анализе. Поразительно глупо то, что они говорят: н[а]п[ример], Дюбуа Раймон гов[орит], что естествознанию недоступно только значение силы, материи и сознания. А узнать все причины образования всего существующего, сводя это к движению атомов – можно. Только забыл, что всё происходит в бесконечн[ом] пространстве и времени. Или Докуч[аев]. Называет почву организмом. Или немец Мо[л]л говорит о трех фазисах земли, забывая, что переход из 1-го во 2-ой зависел от появления органич[еских] тел, а мы не знаем, как они появились. Стало быть, и не имеем права говорить о первом фазисе. Не говоря уже о разногласии постоянном по всем вопросам. А какое страшное орудие затемнения нравственных требований. Я вижу это по Раевским. Чувствительные весы; анализ и т. п. Все это так важно, так же в[ажно], как и евхаристия. Как надо написать про эту ложь. Думал за это время:

1) Солдат брил пуделя капитанского. Но не умел и для опыта обрил голову солдату. У пуделя глаз болит. Операция сомнительна. Для опыта надо сделать над солдатом.

2) Много грешить тем, что некоторых людей, чаще всего самых близких, с к[оторыми] всегда, считаешь неизлечимыми и никогда уж не говоришь им того, что считаешь истиной. Надо как солнце: стена – стена, трава – трава, море – море, рожь – рожь.

3) Великое дело и необходимое вырваться из своей окружающей тебя везде атмосферы.

4) Только пробился лист на березах и от теплого ветра пошла по нем веселая рябь. – Вечер, смеркается после грозы. Лошади только пущены, жадно сгрызают траву, помахивая хвостами.

5) Вспоминал: что мне дал брак? Страшно сказать. Едва ли не всем тоже.

6) Две условности одинаково сильны: для мужчины – снести пощечину без дуэли, для женщины – брак без церкви.

7) Не делайте вид, что меня судите, прощаете, смягчаете, угрожаете. Вы разбойники. Я в вашей власти, как Луд[овик] XVI б[ыл] во власти сапожников. Но с той разницей, что всё, чем вы угрожаете мне, есть то самое, что мне желательно. Я живу только для исполнения воли Б[ога], установления Его царства; для установления Его царства нужно гонение невинных. Чем больше гонения, тем очевиднее его истина. И потому всё, что вы мне сделаете дурного – до пыток и казни, полезно для дела Божья и радостно для меня.

Теперь 12 часов. Хочу ехать в Козловку. Буду писать завтра, если буду жив.

24 Мая. Бегичевка. 93.

[27 мая. я. п.] Не писал ни 25 ни 26. Пробыл там. Приехал Поша. Я был в Козловке, в Софьинке, в Бароновке и 26 приехал.

Сегодня 27. Спал дурно. Конца не будет. Надо работать в сознании. Здесь Столяров. Целое утро провел за пасьянсом. Вчера б[ыло] много музыки. Думал:

Дирижер берет неизвестных, посредственных музыкантов и дает симфонии, так что и музыканты и публика приходят в восторг. Самый очевидный и важный случай гипнотизации.

29 Мая. я. п. 93. Ничего не делал эти дни, кроме писем – неважных. Сегодня [вымарано 1 слово].

Думал: 1) Вчера, гуляя, о том, как несомненно то, что жизнь только в том, чтобы исполнять волю пославшего: в воображении представил себе, что я живу так, только для исполнения Его воли, что я равнодушен к мнению людей, что, в каком бы я ни был положении, я знаю, что я в этом положении по воле Его, для того, чтобы делать волю Его, того, к[то] есть вечно, и я подумал о смерти, и так ясно мне стало, я почувствовал, как тогда легка смерть – не только легка: радостна.

2) Говорят, существующее разумно; напротив, всё, что есть, всегда неразумно. Разумно только то, чего нет, что рассудители называют фантазией. Если бы то, что

Дневник, 1893 г. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
есть, было бы разумно, не было бы жизни; и точно так же ее не было бы, если бы не было разумно то, чего нет (т. е. идеала).

Жизнь есть только вечное движение от неразумного к разумному. Нынче утром, проснувшись, думал об этом же.

Говорят: всё существующее разумно. Неправда. Напротив: Всё существующее неразумно, если под существующим разуметь видимый, осязаемый мир. Если бы существующее было разумно, мы бы не признавали его существующим; мы бы не сознавали своей жизни, если бы не сознавали несоответствия ее с идеалом разума и не работали бы для уничтожения этого несоответствия и не сознавали: жизни в утробе матери, во сне, в обмороке. Проявление сознания, совпадающее с проявлением жизни, есть признак поставленной нам задачи для произведения канала. Если канал прокопан, то не может быть работы и работников для прорытия канала. Если есть работники, т. е. работающие люди, то очевидно есть дело, к[оторое] нужно сделать. Точно так же, если есть жизнь, то есть дело жизни, к[оторое] должно быть сделано. И живущие делают это дело. И если в мире есть дело, к[оторое] нужно сделать, то очевидно мир не совершен, а есть представление и возможность его большего совершенства.

Можно сказать, что разумно копать колодцы или пруд там, где нет воды, или сажать лес, или убирать нечистоты, или удобрять поля, или учить детей и т. п., но нельзя сказать, что разумно жить без воды, без леса, среди нечистот и невежественных детей. Точно так же можно сказать, что разумно совершенствовать себя и мир, но нельзя сказать, что мы и мир разумны.

3) (К первой мысли о том, как легка бы была смерть и жизнь, если бы искренно вполне жить только для исполнения воли Бога.) Часто мне приходило в голову, и я писал это, что юродство (во Христе), т. е. умышленное представление себя худшим, чем ты есть, высшее свойство добродетели. Теперь же я вижу, что это не только не высшее свойство, но это необходимое первое (или, скорее, второе) условие всякой доброй жизни. Как только человек немного освободится от грехов похоти, так тотчас же он отступает и попадает в худшую яму славы людской. И как для приучения себя к воздержанию есть путь и приемы, есть, главное, постоянное внимание к себе, так и для борьбы с славолубием. И одно из первых упражнений – как в пище, не съест более вкусного, а удовлетворится менее вкусным, так и в этом – не воспользоваться случаем доброй славы и довольствоваться той, какая сложилась. А это и есть юродство. Юродство нарочно притворяться порочным хотя и полезно может быть себе, но думаю, что вредно, как есть гнилое; но не разрушать установившегося дурного мнения и радоваться ему, как освобождению от величайшего соблазна и привлечению к истинной жизни исполнения воли бога, естественно и должно. – Эту тему надо разработать в Сергии. Это стоит того.

Продолжаю о разумном и нераз[умном] в жизни.

4) Вся жизнь неразумна: неразумно то, что у человека ненужная слепая кишка, что у лошади остаток 5-го пальца, и все излишки, атавизмы всего живого, неразумна, главное, борьба за существование: бесполезная трата энергии. Человек вносит разумность и в мир природы, уничтожая неразумную борьбу и трату. Но деятельность эта вне себя, далекая, только отраженная. Человек только рассудком видит это неразумное. Неразумие же своей жизни он не только видит рассудком, но чувствует сердцем, как противное любви и всем существам. И в этом приведении неразумного в своей жизни к разумному состоит его жизнь. Очень важно тут то, что неразумие в природе познается рассудком, неразумие в самой жизни человеческой – сердцем (любовью) и рассудком.

Жизнь человека в том, чтобы приводить неразумное в своей жизни к разумному. И потому для этого нужны два дела:

1) Видеть во всем его значении неразумие жизни, не отвращать от него внимания и сознавать во всей чистоте разумность возможной жизни. Сознвая всю неразумность и всегда вытекающую из нее бедственность жизни, человек невольно отвращается от нее и, с другой стороны, ясно сознавая разумность возможной жизни, человек невольно стремится к ней. Не скрывать поэтому зла неразумия и выставлять во всей ясности благо разумной жизни должно бы составлять задачу всех учителей человечества. Но тут-то на седалище Моисеево всегда садятся те, к[оторые] не идут к свету, п[отому] ч[то] дела их злы, и потому всегда люди, выставляющие себя учителями, не только не стараются уяснить неразумие жизни и разумность

Дневник, 1893 г. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
идеала, а, напротив, скрыть неразумие жизни и подорвать доверие к разумности идеала.

Это совершается в нашей жизни. Вся деятельность людей мира состоит из скрывания неразумия жизни: с этой целью существуют и действуют: 1) Полиция, 2) войска, 3) уголовное законы, тюрьмы, 4) филантроп[ические] учреждения: приюты для детей, богадельни для стариков, 5) воспитательные дома, 6) дома терпимости, 7) сумашедшие дома, 8) больницы, в особенности сифилитич[еские] и чахоточные, 9) страховые общества, 10) пожарные команды, 11) все обязательные и устраиваемые на насильственно собираемые средства образовательные учреждения, 12) учрежд[ения] для малолетних преступников, агрономич[еские] учреждения, выставки и мн. др.

Если бы только 0,001 той энергии, к[оторая] употребляется на устройство всего этого, имеющего целью скрыть зло и только увеличивающего его (интересно проследить, как роковым образом каждое из этих учреждений, кроме скрывания зла, порождает новое зло и увеличивает неудержимо, как снежный ком, то зло, к[оторое] оно предполагает уничтожить: посмотрите воспитательные, сумашедшие, сиротские дома, тюрьмы, войско), была бы употреблена на противодействие тому, для скрывания чего служат все эти учреждения, зло бы, теперь явное нам и мучающее нас, зло бы это быстро уничтожилось.

5) О риторике древних.

6) Читал Г. Буассье Падение язычества. Роль, к[оторую] там играла риторика, совершенно подобна той, к[оторую] у нас играет наука.

5 июня 93. Яс. Пол. Все пытался писать послесловие, связав его с определением жизни, как движение от неразумного к разумному, но не подвинулся, от физических ли, умств[енных] ли причин, не знаю. За это время пытался работать: колья рубить, ходил к Булыгину. Раев и Столяр[ов] совсем слабы. Попов [1 неразобр.]5 . Было одно время очень ясно: служение, жизнь как служение, но стало ослабевать под действием соблазнов.

Иду сейчас в Тулу. За это время думал:

1) Поразила меня мысль о том, что одна из главных причин враждебного чувства мужей и жен это соперничество их в деле ведения семьи.

Жене нужно не признавать мужа разумным и практичным, п[отому] ч[то], если бы она признавала его таковым, ей бы надо было делать его волю, и наоборот. – Если бы я теперь писал Кр[ейцерову] Сон[ату], я бы выдвинул это. –

2) Можно грабить на заведении Бога, можно быть у него поденным, работать, не зная, что и зачем делаешь, можно быть месячным, годовым и участником.

3) Выставка Чикаго, как и все выставки, есть поразительный образчик дерзости и лицемерия: всё делается для наживы и потехи: от скуки, а приписываются благие любвенародные цели. Оргии лучше.

4) Часто говорят: ваше недовольство, осуждение, есть дело рассудка и холодно. Это правда, когда человек видит и осуждает несогласие окружающего, вне его проявляющееся, с требованием разума; но когда человек чувствует несогласие своей жизни с окружающим, это уже не дело рассудка, а разума, совести, любви; и не холодно, а горячо.

5) Ничто так не препятствует проявлению любви, как несмирение, гордость, тщеславие, самолюбие, самовыставление. Одно прикосновение этого личного чувства и готовый раскрыться цветок любви закрывается.

6) Читал о статье Мак[са] Нордау. Прекрасно говорит о том, что наша беллетристика должна сделаться скоро забавой женщин и детей, как танцы.

7) Всё это искусство, музыка, хорошо, но очевидно занимает неподобающее ей место.

8) Только христианин ставит свою жизнь в познании и исполнении истины, и потому только один христ[ианин] свободен, п[отому] ч[то] ничто не может помешать исповеданию истины.

9) Я долго не верил сам себе, что религия официальная есть ошибающееся, отклоняющееся от истины религиозное и антирелигиозное учение; но пришлось поверить. То же теперь относительно официального образования.

10) Иду домой от Булыгина, пройдя 20 верст, устал. Идут навстречу с песнями бабы. «Откуда?» Из Крыльцо[ва]. Где были? У поручика (за 10 верст) работали. Зачем так далеко? Да мы разве бы пошли, за лошадой по два дня отработывали. Попались лошади в засеке. Они прошли 10 в[ерст] туда, идут 10 в[ерст] назад, там целый день работали.

Что ж, я чай, поругали поручика?

За что ж его ругать. Ха-ха. И запели песни. –

Всем равно. Как нельзя в озере поднять в одном месте воду выше, чем в других, или спустить, так нельзя ни увеличить, ни уменьшить благо материальными средствами. (Сейчас еду в Тулу.)

10 Июня. Я. П. 1893. Всё это время ничего определенного не делал. Начинал послесловие, потом статьи о науке и искусстве, теперь о письме Зола и Дюма. Попов уехал, приехал Поша. Отношения с людьми всё те же. За это время думал:

1) 6 Люди признают, что наказания жестоки, но они говорят: это необходимо для поддержания существующего порядка. Но порядок-то существующий хорош ли? Нет, он дурен. Невозможен. Так что же его поддерживать?

2) Мой друг детства, потерянный человек, пьяный, обжора, несчастный, ленивый, лживый, всегда, когда речь идет о детях, о воспитании, приводит в пример свое детство и свое воспитание, как бы подразумевая бесспорно то, что результат, к[оторый] дало его воспитание, служит доказательством его успешности. И он делает это невольно и не видит комичности этого. Так сильна любовь, предилекция к себе всех людей.

3) Думал к статье о науке. Чтобы понять то, что есть наука, надо исследовать, что она дает тем, к[оторые] получают ее, и что она для тех, к[оторые] творят ее (плохо).

4) Решить вопрос о том, хорошо ли, добро ли то, что мы признаем наукой и искусством, не шутка. Всё воспитание молодых поколений основывается на том, что мы признаем наукой и искусством.

5) Воспитание, передача знаний тогда настоящие, когда передается важное, нужное содержание (нравственное учение) в ясной, разумной, понятной форме (наука) и так, что оно пленяет, заражает, увлекает своей искренностью того, кому передается (искусство). У нас же нравственное религиозное учение передается неявно и неискренно – наш закон божий, наука без нравственного содержания передается опять отдельно, и искусство – только одна привлекательность – опять отдельно (плохо).

6) Главный вред науки и искусства в том, что они наполняют жизнь, вместо деятельности, подобием жизни, отражением ее.

7) Когда я спрашивал, зачем спектральный анализ, мне говорили: может пригодиться. С науками то же, что с товарами: прежде производят их, а потом ищут им употребление, помещение.

8) Если я физическ[ий] калека, то что же делать, буду служить, как могу, в своем искалеченном теле; если я нравственный калека, одержим непреодолимыми пока страстями, то все-таки я хочу служить всеми силами, какие есть во мне.

9) Религия не есть то, во что верят люди, и наука не то, что изучают люди, а религия то, что дает смысл жизни, а наука то, что нужно знать людям.

21 Июня 1893. Ясн. Поляна. 3-го дня отослал с Кузминск[им] статью о письм[ах] Зола и Дюма в Revue de famille⁷. Всё это время развлекался мыслями между «Об искусстве», «Послесловие[м]» и этой статьей. Попытка работать – слаб стал. Маша приехала. Я ей очень рад. Вчера – чего давно не было – был неприятный разговор с

С[оней]. Они бедные страдают. Надо жалеть, а ты горячишься. Впрочем, даже так было тихо, что никому не заметно. Мне только больно очень.

Думал за это время.

1) У всех детей и отцов зубы портятся исключительно в одних условиях. Что же? Вы думаете, причину, или когда им укажут эту причину, устранят ее? Нет. Несмотря на то, что они страшно дорожат зубами, они будут продолжать жить так же, пломбуя себе зубы за большие деньги платиной и золотом. Сифилис и больн[ицы], преступления и наказания, война и красный [крест] и мн. др.

2) Всего меньше мы понимаем поступки друг друга те, к[оторые] вытекают из тщеславия: не угадаешь, чем и перед кем он тщеславится.

3) Люди говорят: (Андрюша недавно и тот сказал) что они не знают, в чем закон жизни или Бога. И они точно не знают и сомневаются. А происходит это от того, что они верят, полуверят, во что-нибудь нелепое, как Троица, церковь, наука и т. п. и, чувствуя противоречие между законом Бога и своей верой, сомневаются и в том и в другом. Они поступают так, как поступил бы человек, поставивший себе перед глазами доску и потому не видящий того, что перед ним.

4) Только при понимании жизни в исполнении воли пославшего получает смысл смерть и жизнь загробная.

[25 июня.] Вчера 24 июня 93. Яс. Пол. Думал: 1) Представил себе людей, для полноты мужчину и женщину – мужа жену, брата сестру, отца дочь, мать сына – богатого класса, кот[орые] живо поняли грех жизни роскошной и праздной среди нищеты и давленности трудом народа и ушли из города, отдали кому-нибудь, так или иначе избавились от своего излишка, оставили себе в бумагах скажем 150 р. в год на двоих, даже ничего не оставили, а зарабатывают это каким-либо мастерством – положим рисование на фарф[оре], переводы хороших книг, и живут в деревне, в середине русской деревни, наняв или купив себе избу и своими руками обрабатывая свой огород, сад, ходят за пчелами, и вместе с тем подавая помощь сельчанам медицинскую, насколько они знают, и образовательную – учат детей, пишут письма, прошения и т. п. Казалось бы, чего лучше такой жизни. Но жизнь эта будет адом и сделается адом, если люди эти не будут лицемерить, лгать, если они будут искренни. – Ведь если люди эти отказались от тех выгод и радостей, украшений жизни, к[оторые] им давали и город и деньги, то сделали они это только п[отому], ч[то] они признают людей братьями, равными перед Отцом – неравными по способностям, достоинствам, если хотите, но равными в своих правах на жизнь и всё то, что она может дать им. Если возможно сомнение о равенстве людей, когда мы их рассматриваем взрослыми, с отдельным прошедшим каждого, то сомнение этого уже не может быть, когда мы видим детей. Почему этот ребенок будет иметь все заботы, всю помощь знания для своего физического и умственного развития, а этот прелестный ребенок, с теми же и еще лучшими задатками, сделается рахитиком, вырожденным, полукарликом от недостатка молока и останется безграмотным, диким, связанным суевериями человеком, только грубой рабочей силой? Ведь если люди эти уехали из города и поселились жить так, как они живут в деревне, то только потому, что они не на словах, но на деле верят в братство людей и хотят, если не осуществить, то осуществлять его в своей жизни. И эта-то попытка осуществления должна, если только они искренни, должна привести их в ужасное, безвыходное положение. С своими с детства приобретенными привычками порядка, удобства, главное, чистоты, они, переехав в деревню и наняв или купив избу, очистили ее от насекомых, может быть, даже сами оклеили ее бумажками, привезли остатки мебели, не роскошной, а нужной: железную кровать, шкаф, письменный столик. И вот они живут. Сначала народ дичится их: ожидает, как и от всех богатых, насилием ограждения своих преимуществ, и потому не приступает к ним с просьбами и требованиями. Но вот понемногу настроение новых жителей уясняется: сами они вызываются служить безвозмездно, и самые смелые, назойливые люди из народа опытом узнают, что новые люди эти не отказываются, и можно поживиться около них. И вот начинаются заявления всякого рода требований, кот[орых] становится всё больше и больше. Начинается как бы рассыпание и разравливание возвышающегося над общим уровнем зерна до тех пор, пока не будет возвышения. Начинаются не только выпрашивания, но и естественные требования поделиться тем, что есть лишнего против других. И не только требования, но сами поселившиеся в деревне люди, войдя в близкое общение с народом, чувствуют неизбежную необходимость отдавать свои излишки там, где есть крайняя нужда. Но мало того, что они чувствуют необходимость отдавать свой излишек до тех пор, пока у них

Дневник, 1893 г. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

останется то, что должно быть у всех, т. е. у среднего – определения этого среднего, того, что должно бы быть у всех, нет никакого, –и они не могут остановиться, п[отому] ч[то] всегда вокруг них есть вопиющая нужда, а у них излишек против этой нужды. Казалось бы, нужно удержать себе стакан молока, но у Матрены двое детей, грудной, не находящий молока в груди матери, и 2-летний, начинающий сохнуть. Казалось, подушки и одеяло можно бы удержать, чтобы заснуть в привычных условиях после трудового дня, но больной лежит на вшивом кафтане и зябнет ночью, покрываясь дерюжкой. Казалось, можно бы удержать чай, пищу, но ее пришлось отдать странникам, ослабевшим и старым. Казалось, можно бы удержать хоть чистоту в доме. Но пришли нищие мальчики, и их оставили ночевать, и они напустили вшей, кот[орых] они только что с трудом вычесали, придя от больного.

Нельзя остановиться, и где остановиться? Только те, кот[орые] не знают совсем того чувства сознания братства людей, вследствие к[оторого] эти люди приехали в деревню, или к[оторые] так привыкли лгать, что и не замечают разницу лжи от истины, скажут, что есть предел, на кот[ором] можно и должно остановиться. В том-то и дело, что предела этого нет, что то чувство, во имя к[оторого] делается это дело, таково, что предела ему нет, что если есть ему предел, то это значит только то, что этого чувства совсем не было, а б[ыло] одно лицемерие. Продолжают себе представлять этих людей. Они целый день работали, вернулись домой. Кровати у них уже нет, подушки нет, они спят на соломе, к[оторую] достали, и вот, поев хлеба, легли спать. Осень, идет дождь с снегом. К ним стучатся. Могут ли не отпереть? Входит человек, 8 мокрый и в жару. Что делать? Пустить ли его на сухую солому? Сухой больше нет. И вот приходится или прогнать больного и положить его мокрого на полу, или отдать свою солому и самому, п[отому] ч[то] надо где-нибудь спать, лечь с ним.

9 Но и этого мало: приходит человек, кот[орого] вы знаете за пьяницу и развратника, к[оторому] вы несколько раз помогали и к[оторый] всякий раз пропивал то, что вы ему давали, приходит теперь с дрожжами челюстями и просит дать ему 3 р., кот[орые] он украл и пропил и кот[орые] если он не отдаст, его посадят в тюрьму. 10 Вы говорите, что у вас только и есть 4 р., и они необходимы вам завтра для уплаты. Тогда пришедший говорит: «да, это значит, всё только разговоры, а когда дело до дела, то вы такие же, как и все: пускай погибает тот, кого мы на словах считали братом, только бы мы были целы».

Как тут поступить? Что сделать? Положить лихорадочного больного на сыром полу, а самим лечь на сухое, еще хуже не заснешь. Положить его на свою постель и лечь с ним: заразиться и вшами и тифом. Дать просящему последние 3 рубля, значит остаться завтра без хлеба. Не дать, значит, как он и говорит: отречься от того, во имя чего живешь. Если можно остановиться здесь, то почему не остановиться было раньше. Почему было помогать людям? Зачем отдавать состояние, уходить из города? Где предел? Если есть предел тому делу, кот[орое] ты делаешь, то все дело 11 не имеет смысла, или имеет только один ужасный смысл лицемерия.

Как тут быть? Что делать? Не остановиться, значит погубить свою жизнь, завшиветь, зачахнуть, умереть, и без пользы как будто. Остановиться, значит отречься от всего того, во имя чего делаешь то, что делаешь, во имя чего делал что-либо доброе. И отречься нельзя, п[отому] ч[то] ведь это не выдуманно мною или Христом, что мы братья и должны служить друг другу; ведь это так. И нельзя вырвать этого сознания из сердца человека, когда оно вошло в него. Как же быть? Нет ли еще какого выхода? И вот представим себе, что люди эти, испугавшись того положения, в кот[орое] их ставила их необходимость жертвы, приводящей к неизбежной смерти, решили, что их положение происходит от того, что средства, с кот[орыми] они пришли на помощь народу, слишком малы, и что этого не б[ыло] бы и они принесли бы большую пользу, если б у них б[ыло] много денег.

И вот представим себе, что люди эти нашли источники помощи, собрали большие, огромные суммы денег и стали помогать. И не прошло бы недели, как случилось бы то же самое. Очень скоро все средства, как велики бы они не были, разлились бы в углубления, кот[орые] образовала бедность, и положение осталось бы то же.

Но мож[ет] б[ыть] есть еще 3-ий выход. И есть люди, кот[орые] говорят, что он есть и состоит в том, чтобы содействовать просвещению людей, и тогда уничтожит[ся] это неравенство. Но выход этот слишком очевидно лицемерный. Нельзя просвещать население, кот[орое] всякую минуту находится на краю гибели от голода, а главное, неискренность людей, проповедующих этот выход, видна уже п[отому], ч[то] не может человек, стремящийся к установлению равенства хотя бы

Дневник, 1893 г. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
через науку, поддерживать это неравенство всей своей жизнью. Но есть еще 4-ый выход, тот, чтобы содействовать уничтожению тех причин, к[оторые] производят неравенство, содействовать уничтожению насилия, производящему его. И выход этот не может не придти в голову тем искренним людям, к[оторые] будут пытаться в жизни своей осуществлять свое сознание братства людей.

«Если мы не можем жить здесь, среди этих людей, в деревне, должны будут сказать себе те люди, кот[орых] я представляю себе, если мы поставлены в то ужасное положение, что мы неизбежно должны задохнуться, завшиветь и умереть медленной смертью, или отказаться от единственной нравственной основы нашей жизни, то это происходит от того, что у одних скопление богатств, у других нищета; неравенство же это происходит от насилия, и потому, так как основа всего это насилие, то надо бороться против него». –Только уничтожение этого насилия и вытекающего из него рабства может сделать возможным такое служение людям, при кот[ором] не б[ыло бы] неизбежности жертвы всей своей жизнью. Но как уничтожить это насилие? Где оно? Оно в солдате, в полицейском, в старосте, в замке, к[оторым] запирают мою дверь. Как же мне бороться с ним? Где, в чем? И вот тут-то есть люди, все живущие насилием, и борющиеся с насилием, и насилием же борющиеся с ним. Но для человека искреннего это невозможно. Насилием бороться с насилием, значит ставить новое насилие на место старого. Помогать просвещению, основанному на насилии, значит делать то же самое. Собрать деньги, приобретенные насилием, и употребить их на помощь людям, обделенным насилием, значит насилием лечить раны, произведенные насилием. Даже в том случае, кот[орый] я представлял себе: не пустить больного к себе и на свою постель и не дать 3 рубля, п[отому] ч[то] я силою могу удержать их, есть тоже насилие. И потому борьба с насилием не исключает необходимости в нашем обществе человеку, желающему жить по братски, отдать свою жизнь, завшиветь и умереть, но при этом борясь с насилием: борясь проповедью ненасилия, обличением насилия и, главное, примером ненасилия и жертвы.

Как ни страшно и ни трудно положение человека, живущего христианской жизнью среди жизни насилия, ему нет другого выхода, как борьба и жертва – жертва до конца. Надо видеть ту пучину, кот[орая] разделяет завшивевших, заморенных миль[оны] людей с перекормленными, в кружевах, другими людьми, и чтобы заполнить ее, нужны жертвы, а не то лицемерие, которым мы теперь стараемся скрыть от себя глубину этой пропасти.

Человек может не найти в себе сил броситься в эту пропасть, но миновать ее нельзя ни одному чело[веку], ищущему жизни. Можно не идти в нее, но так и знать и говорить, а не обманывать себя, не лицемерить. –

Да и нет, совсем не так страшна эта пучина. И если страшна, то страшнее те ужасы, к[оторые] предстоят нам на пути мирской жизни.

На днях б[ыли] известия, справедливые ли, нет (в этих случаях любят выдумывать), что адмирал Тройон для соблюдения чести (честь флота, предназначенного на убийство), чести флота, отказал[ся] спастись и как герой (скорее, как дурак) умер с своим кораблем. Ведь умереть от вшей, заразы, нужды, помогая людям и отдавая последнее, меньше шансов, чем умереть на маневрах, на войне.

Ведь эти вши, и черный хлеб, и нужда кажутся так страшны. Ведь дно нужды не глубоко, и мы часто, как тот мальчик, кот[орый] с ужасом провисел целую ночь на руках в колодце, в к[оторый] он упал, боимся воображаемой глубины и воды: под мальчиком на поларшина ниже было сухое дно.

Но не надо надеяться на это дно, надо идти на смерть. Только та любовь, для которой нет конца жертвам до самой смерти.

Нынче 18 Июля. Бегичевка. 1893. Ужасно давно не писал. За это время писал статью о письмах Зола и Дюма. Всё еще не отослал. Поехал в Бегичевку 10-го. И хорошо здесь прожили. Заканчивал дело. Думал очень много и хорошего и забывал. Запишу кое-что.

1) О науке. Суждение о том, что наука полезна и спасет человечество от его бед, есть самообман. Искренние люди науки работают только для того, что имеют охоту узнать известные стороны известных явлений. То же и с искусством. А наука, как таковая, есть только известные случайные знания, не нужные, не ясные и не связанные с другим. Впрочем это не то. Об этом буду думать и работать.

2) Жило, жило человечество всегда так, что женщина была руководима мужчиной; вдруг сделалось то, что женщины не должны быть руководимы, а сами руководят.

3) Если грабители захватили власть и богатство, то владеть властью и богатством будут те, кот[орые] будут подличать и потакать грабителям, т. е. самые подлые. – От этого власть в руках женщин.

4) Если бы кто сомневался в неразделимости мудрости и самоотречения, тот пусть посмотрит, как на другом конце всегда сходятся глупость и эгоизм.

5) Форма романа не только не вечна, но она проходит. Совестно писать неправду, что было то, чего не было. Если хочешь что сказать, скажи прямо.

6) Несправедливо, что веротерпимость основывается на справедливости, на том, что если я верю в свою религию, то и он имеет право верить в свою. Неправда. Всякий истинно верующий будет болеть от того, что другой не верит в то, что он считает истиной, и будет всеми имеющимися средствами стремиться обратить другого. То, что называется веротерпимостью христианина, есть только то, что тогда как магометанин обращает мечом, христианин не может употребить никакого другого средства, кроме убеждения и любви.

Не дописал.

Если буду жив 19 Июля 93. Бегич[евка].

19 Июля. Продолжаю:

7) Есть две улыбки: одна радости, это хорошая, другая насмешливости: а) над другими, б) над собой, почти стыда; обе дурные.

8) Есть 4 (кажется 4) разные мирозерцания: 1) то, что человек приходит в мир, как бы человек пришел на завод, в котором он, не обращая внимания, что и зачем делается на заводе, останавливая, портя и ломая всё устроенное на заводе, устраивает себе наимприятнейшую жизнь на этом заводе. Это делают всегда все дети и наивные, эгоистичные люди. Таких людей много: они ищут счастья в ущерб заводу и, переломав и перепортив многое, очень скоро видят, что счастья нет. Это самые обыкновенные люди. И почти все люди проходят через это мирозерцание. 2) То, что человек начинает видеть, что завод есть завод, на к[отором] нечто определенное делается; что всё на этом заводе хорошо устроено, но только ему нет на этом заводе места. Блестящие колеса вертятся, ремни ходят, что-то лезет, соединяется. Но всё это только мешает ему. И он начинает думать, что если хозяин, к[оторый] его сюда послал, так хорошо всё устроил и не дал ему тут места (как ему кажется), то вероятно это сделано п[отому], ч[то] его назначение в другом месте, в другом учреждении.

Это люди, признающие здешнюю жизнь приготовлением, испытанием для другой жизни, или испорченной жизнью, падением, грехом, как это понимают церковные люди. – Всё тут хорошо. «И равнодушная природа красую вечною сиять», но назначение человека не здесь, а там, в au delà.¹³

3) Мирозерцание то, по ко[торому] люди, видя эту неустанную работу, не нужную для них, не дающую им счастья, признают эту жизнь всю злом и считают самым разумным и желательным для себя делом освобождение от нее, уничтожение своей всякой жизни (пессимизм, буддизм).

4) То, при кот[ором] человек, увидав себя в середине этой творящейся со всех сторон работы, понимает, что если все и всё работает, то и он должен принимать в ней участие и найти себе свое место для работы. И стоит человеку понять это, как тотчас же ему станет ясно, что и как ему надо делать. И начав это делать, он достигает и того, чего искали первые, т. е. наибольшего личного счастья, и то, что счастье это не там, au delà, как думают это вторые, а здесь, в исполнении предназначенного дела. И увидит, что жизнь не есть зло, как это думают третьи, а благо не только личное, т. е. ограниченное пространством и временем, как то, к[оторого] ищут, а благо бесконечное и вечное. И это благо он будет чувствовать больше или меньше, смотря по тому, что он будет делать хозяйское неохотно, как раб, или охотно, как участник дела хозяина. –

Дневник, 1893 г. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

9) Миллионы народов жили тысячи лет и питались не мясом и отдыхали периодически в 7-й день. И вот наука по первому вопросу нашла, что питаться растительной пищей без мяса нельзя, а по второму, сделав ряд опытов (посадив человека в клетку и заставив его вертеть камень), пришли к заключению, что отдых на 7-й день необходим. Если бы у них не было награбленных денег, на кот[орые] они покупают себе мясо, а они сами должны бы были работать, они давно бы пришли к несомненному правильному решению первого вопроса и без опытов в клетке узнали бы, как нужно отдыхать 7-й день.

Вот он настоящий метод и несомненный, к[оторый] должен заменить ложный метод так назыв[аемой] науки.

10) Женщины, как евреи, платят за то рабство, в кот[ором] их держали, порабощением мужчин. И поделом. Но не надо поддаваться и надо уничтожить в себе эту слабость, на кот[орой] они ловят нас. Так что это полезно.

11) Искусство, говорят, не терпит посредственности. Оно еще не терпит сознательности. Я певец, напоялся, надел фрак и галстуки и буду, стоя на эстраде, петь вам. И я весь похолодел, и мне противно. А кормилица с нянькой идут по саду и тихим голосом одна напевает, другая вторит народную песню. Кроме того, громко петь хорошо страшно трудно.

20 июля 93 г., если буду жив, у Самари[на].

Нынче 16 Августа 1893. Ясн. Поляна. Почти месяц. И очень много пережил. Во 1-х, кончил дело голодающих. Во 2-х, были Чер[тков], Поша. Кончил и отослал статью «Неделание» и по-франц[узски] и по-русски, и в 3-х, главное, появилась за границей выписка из этой книги об Орлов[ском] деле, и началась суета, и воздействия, и ложные понимания, и клевета. Вчера Соня и Кузм[инские] читали и указали мне на неточности: 1) то, что вешают в деревне, 2) что всегда секут, 3) обиды Зиновьеву. (Зиновьев прочел в Штокгольме и очень обижен, огорчен, озлоблен.) Нынче послали телеграммы, прося приостановить печатание всеми переводчиками. Кажется, поздно. Нынче ночью проснулся и стал мучительно думать. Так же мучительно думал и с вечера. И всё хуже, хуже и был на границе нервного расстройства. Стал молиться, всю молитву. И в особенности сознание своей зависимости, исключаяющей все другие зависимости, от Бога. То, что не моя пусть будет воля, а Твоя. (И ошибки мои, допущение их, как я ни раскаиваюсь в них – Твоя воля.) Не то, чего я хочу, но чего Ты хочешь, и не так, как я хочу, а как Ты хочешь. И это сознание удивительно успокоило меня и ночью и сейчас, когда пишу это. Я тоскую об этой неприятности. А она-то именно нужна для того, чтобы обратить меня к Пославшему меня, чтобы вызвать сознание одной, высшей зависимости от него, уничтожающей все другие. Гонения, мученичество не сделали бы этого со мной: они возгордили бы меня. А это унижает меня, показывает мне мою ошибку, мою неправду. А это-то и надо мне. Другое утешает и успокаивает меня, это – вступление в молитву: да святит[ся] имя Твое. Имя Тв[ое] есть любовь. Пребывающий в любви, пребывает в Боге и Б[ог] в нем и т. д. Если кто видит брата своего в нужде (я прибавлю и в заблуждении) и закрывает от него сердце свое, то как пребывает в том любовь Божия? Не оставить братьев в нужде – надо обличить угнетателей, не оставить людей в заблуждении – надо обличить их. Но тут-то и нарушается любовь. Обличить, любя. А я умею – только шипя злобой, как животное. Господи, помоги мне, не переставая, сознавать себя в воле Твоей и творить ее.

Еще и самое важное событие за это время было затеянное дело М[аши] с З[андером]. Она была очень жалка. Теперь опомнилась и, кажется, отказа[ла], но неприятности и путанная ложь во всем этом деле не кончена. Тоже не моя воля, не то, чего и как хочу. Маленькое, достойное замечания событие – это мои естественно пришедшие добрые отношения к Кузм[инскому].

Все молюсь Б[огу] об освобождении меня от похоти. И страдаю от этого. Evans'а есть книга. Хорошее замечание в молитве. Он говорит: т[ак] к[ак] человек живет только Богом, только тогда, когда он сознает в себе Бога и живет им, то молитва есть то же, что обращение цветка к солнцу. Обращаясь к солнцу, он воспринимает в себя все лучи его.

Думал: 1) Бывает, что человек вдруг с раздражением начинает защищать положение самое, на ваш взгляд, не важное. Вам кажется: это кирпич, и вся цена ему 3 к. Но для него этот кирпич есть замок свода, на к[отором] построена вся его жизнь.

2) Иногда себе и некоторым людям всегда кажется, что есть заслуга в том, чтобы отдаваться в волю Пославшего и совершать дело Его. Но тут нет и не может быть заслуги, тут награда, благодеяние, возможности блаженства сознания себя в Его воле.

3) Одна из главных помех движения вперед человечества для установления Цар[ства] Божия, это дети, юноши, женщины, люди, лишенные религиозного чувства. Но та самая сила, кот[орая] в этих существах удерживает движение вперед, закрепляет это движение, когда оно уже началось, и распространяет его.

4) Не только всякое сумашествие есть дошедший до последнего предела эгоизм, самодовольство, самовозвеличение (мания величия), но всякое ослабление духовной силы выражается увеличивающимся эгоизмом, самодовольством и самовозвеличением, исключительностью заботы о себе.

5) Разговор с социал-демократами (юноши и девицы). Они говорят: «Капиталистическое устройство перейдет в руки рабочих и тогда не будет уже угнетения рабочих и неправильного распределения заработка». «Да кто же будет учреждать работы, управлять ими?» спрашиваю я. «Само собой будет идти, сами рабочие будут распоряжаться». – Да ведь капиталистическое устройство установилось только п[отому], ч[то] нужны для всякого практического дела распорядители с властью. Будет дело, будет руководство, будут распорядители с властью. А будет власть, будет злоупотребление ею, то самое, с чем вы теперь боретесь.

6) Что лучше мужчине и женщине: кокетничая сходить на бал или над постелью тифозного больного? Первое лучше.

7) Никак нельзя сказать, не только полезна или бесполезна жизнь, кот[орую] ведет человек; но нельзя даже сказать, радостна она, или нет. Это узнается только впоследствии, когда она вся видна будет. То же, что в работе. Спросите пахаря во время работы, радостна ли его жизнь. Он не знает и скорее думает, что радостна жизнь праздная богача, а спросите, когда он старик и вспоминает о своей жизни.

8) Августа 11, утро. Голубая дымка, роса как пришта на траве, на кустах и деревьях на сажень высоты. Яблони развисли от тяжести. Из шалаша пахучий дымок свежего хвороста. А там, в ярко желтом поле, уже высыхает роса на мелком овсяном жнивье и работа, вяжут, возят, косят, и на лиловом поле пашут. Везде по дорогам и на сучках деревьев зацепившиеся выдернутые, сломанные колосья. В росистом цветнике пестрые девочки, тихо напевая, полют, лакеи хлопчут в фартуках. Комнатная собака греется на солнце. Господа еще не вставали.

9) Как бы помнить всегда свое достоинство посланника Божия, которому поручено Его дело¹⁴. Если бы я был послом царя в Турции, как бы я следил за собой. А теперь, послом Бога в мире, всё нипочем. А еще ц[арь] мог бы чего-нибудь не узнать, а тут скрыть ничего нельзя. Это глупо.

Завтра 17 Августа 1893. Ясн. Пол. Хочу писать, если б. ж. Это та же молитва. Надо больше молиться. Если будет трудно, то чем же поддержать себя, как не этим.

23 Августа 1893. Я. п. Пропустил 5 дней. Был Страхов и Salomon. Беспокойство мое затихло. Но праздность не прекращается. Пытаюсь писать о религии, но не идет. Нынче был посланный от Кудрявцева за статьей. Я написал ему. Написал Дунаеву, Черт[кову], Лёвенф[ельду]. – С Страховым был неприятный разговор. Он говорит, что не видит необходимой связи между богатством богатых и нищетой бедных. Это удивительно. Нынче б[ыл] в Овсянникове. Нет охоты писать, нет напряжения. А казалось бы, как много нужно и как много готово. Думал за это время: да, был 1) Митя Олсуфьев – плох[ой] с ним разговор.

1) Я говорил м[ите] О[лсуфьеву] о том, что религия есть установление отношения человека к бесконечному, такое, кот[орое] определяет его поступки. Он говорит, что это неясно. И действительно для него это неясно, п[отому] ч[то] ему хочется, чтобы я бы сказал ему такое определение религии, которое отвечало бы его неясному представлению о том, чем бы он желал, чтобы была религия. В роде того, как если бы человеку, кот[орый] представляет себе, что пахота есть езда на лошади, было бы неясно определение пахоты вздиранием и переворачиванием верхнего слоя земли.

Дневник, 1893 г. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

2) В первый раз, на этих днях молясь словами: и ненадежен для Ц[арства] Б[ожия] взявшийся за плуги оглядывающийся назад, я понял все значение этих слов. Делай то, что нужно для установления Ц[арства] Б[ожия] (я невольно отношу это к печатанию моей книги), и не заботься о том, что от этого будет. Ничего, кроме хорошего, от этого ни для кого выйти не может.

3) Представлял себе, как прокурор или жандарм будет требовать от меня подписки не писать или чего подобного, говоря, что у меня на это высочайшее повеление. Не может быть высочайшее, п[отому] ч[то] у меня высочайшее – защищать братьев своих и обличать их гонителей. Есть только 2 средства заставить замолчать меня: или то, чтобы перестать делать то, что я обличаю, или убить меня, или запереть на век; действительно только первое, и потому скажите тем, кто вас послал, чтобы они перестали делать то, что делают.

4) В каждой болезни есть доля духовного страдания. – Эта доля может быть различна от 80 до 10 но, скажем, что она 50%. Вот эти-то 50% и могут быть устранены духовным лечением.

5) Противники христианства в жизни говорят: вы хотите уродства, разрушения всего. Посмотрите, как правильно и красиво идет наша жизнь. А послушаться вас, и будет разгром. Это всё равно, что те люди, кот[орые] подштукатурят и подкрасят заваливающийся дом и, указывая на вырытые ямы для фундамента нового, скажут: вот, чего вы хотите.

6) С Страховым разговор: Он хочет во всем находить хорошее и, по крайней мере, не пропускать его там, где оно есть. Но дело в том, что, как ни опасно пропустить хорошее, не оценив его, еще опаснее признать хорошим и удерживать то, что мы призваны всей нашей жизнью уничтожить и заменять. На ноже ходить.

7) Другой разговор с Стр[аховым] о том, что, как дошли люди теперь до обеспечения каждого человека от насилия, грабежа, убийства, от диких зверей, так теперь пора дойти до обеспечения каждого человека от голодной смерти. Это теперь предполагается только, но этого нет. Как скоро правительство берет в свое ведение человека, оно его кормит.

Теперь 9 ч[асов] веч[ера]. Я устал очень, дурно спал. Нездоровится.

24 Августа 93. я. п. е. б. ж.

Нынче 4 Сентября. я. п. 93. За это время был болен двое суток. Ничего не пишу, умственная бездеятельность, но душевно хорошо. Есть кое-что выписать; но нынче не буду, некогда. Написал Митрофану и Чертковым.

Завтра 5 с. 93. я. п. е. б. ж.

[5 октября.] Страшно взглянуть на последнее число, записанное в дневнике, так давно я не писал: ровно месяц. Нынче 5 Октября. я. п. 93. Что было за это время? Лева всё не поправляется. Борьба с Машей. Я написал З[андеру], он написал мне. М[аша] написала ему нехорошо. Это очень огорчило меня. Надо не мешать им жить, не мешать им ошибаться, не мешать им страдать и каяться и идти этим вперед. Таня уехала в Москву на смену С[оне]. – Теперь С[оня] едет. Попов здесь. Мы с ним по немецкому Штраусу переводили Лаотзи. Как хорошо! Надо составить из него книжку. Всё время писал статью о религии. Как будто кончил. Написал еще начерно статью о Мопасане. Вот и всё. Мало думал и мало записывал. Вот что:

1) Наука – тюрьмоведение.

2) Есть два рода умов: один ум логический, эгоистический, узкий, длинный, и другой – чуткий, сочувствующий, широкий, короткий.

3) Есть два способа познания внешнего мира: один самый грубый и неизбежный способ познания пятью чувствами. Из этого способа познания не сложился бы в нас тот мир, к[оторый] мы знаем, а был бы хаос, дающий нам различные ощущения. Другой способ состоит в том, чтобы, познав любовью к себе себя, познать потом любовью к другим существам эти существа; перенестись мыслью в другого человека, животное, растение, камень даже. Этим способом познаешь изнутри и образуешь весь мир, как мы знаем его. Этот способ есть то, что называют поэтическим даром, это же есть любовь. Это есть восстановление нарушенного как будто единения между

Дневник, 1893 г. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
существами. Выходишь из себя и входишь в другого. И можешь войти во всё. Всё – слиться с БОГОМ, со ВСЕМ.

4) Дети еще тем хороши, что у них нет дела, а они заняты только тем, как бы хорошо провести день. Так их и воспитывать надо. А мы торопимся приучать их к делу, т. е. к тому, чтобы вместо вечного дела перед Богом и своей совестью они бы делали то дело, к[оторое] установлено какими-то люд[ьми] по уговору, как игра.

5) Чтобы узнать, веришь ли в молитву, попробуй молиться о том, чего не желаешь или боишься.

6) Когда колешь жесткую плаху, первый удар отскакивает, как от стали, и думаешь, что ничего не сделал и напрасно бить. И беда, если заробеешь. Но бей еще, и скоро услышишь глухие удары. Это значит, что тронулось. И еще несколько ударов, и плаха расколется. В таком положении мир по отношению к христианской истине. А как я помню то время, когда удары отскакивали, и я думал, что это безнадежно. То же и с людьми. Надо, как тот человек, кот[орый] стал вычерпывать море. Если он отдаст свою жизнь на дело, то, какое бы ни было дело, оно сделается, а тем более дело Божье.

7) Каждый поступок маленького ничтожного существа человека бесконечно малая величина, в сравнении со всеми действующими силами в бесконечном пространстве и времени; действие его бесконечно и по пространству и по времени.

8) Говорят, одна ласточка не делает весны; но неужели от того, что одна ласточка не делает весны, не лететь той ласточке, к[оторая] уже чувствует весну, а дожидаться. Так дожидаться надо тогда и всякой почке и травке, и весны не будет.

9) Да, добро только тогда, когда не знаешь, что его делаешь. Как только оглянулся, как в сказке о добывании живой воды, поющего дерева, так и пропало то, что добыл. Чтоб левая не знала, что делает правая – не предписание, а утверждение того, что, когда левая знает, то это уже не добро.

10) Радости прежней жизни вспоминаются в этой, как поэтическое чувство. Поэтич[еское] чувство – большая память и много пережитого в прежней жизни. Может быть, в прежней жизни я был атом, сложившийся в теле и стремившийся к соединению, и в этом была вся жизнь. Теперешняя жизнь для будущей покажется с своей любовью к людям таким же несложным простым законом притяжения.

11) Сколько разных сторон есть предмета, сколько радиусов шара = ∞, столько жизней мы проходим и будем проходить. Проходя же, делать дело совершенствования. (Все неясно.) Голова болит.

12) Главное бедствие очень культурных людей, как Амиель, это их балласт разностороннего и, особенно, эстетического образования. Это больше всего мешает им знать, что они знают, как говорил Лаодцы (это болезнь). Им жалко выкинуть этот балласт, а с этим балластом они не могут уместиться на лодке христианского сознания. И им не верится, чтобы для такого простого дела, как христианское спасение, можно бы было пожертвовать таким сложным и утонченным. Это Амиель; имя им легион.

13) Милль говорит: «человечество получит большую долю счастья, когда каждый человек будет преследовать свое счастье под условием соблюдения правил и условий, требуемых для блага прочих, чем нежели когда человек поставит единственную целью благо всех прочих». Это справедливо, но только при том, чтобы под благом отдельного человека разуметь его благо духовное, т. е. согласие его с волей Бога, или, проще, удовлетворение требований своей совести (разума и любви). Каждый человек пусть ищет ц[арства] Б[ожие] и правды его, пусть в этом положит свою цель, и получит наибольшее счастье всех, но тогда выйдет то, что счастье человека будет состоять в том, чтобы соблюдать те правила и условия, при кот[орых] достигается благо всех людей. Т. е. получится то самое, что отрицает Милль.

14) Лаодзи говорит о том, что высшее в мире есть пустота, как вместилище сосуда, пустота ступицы, пустота мехов кузнечных, что главное средство употребления есть пустота. Это ничто иное, как свобода – не политическая свобода, к[оторая] никогда не свободна, но свобода внутренняя, свобода от страстей, та свобода, без

Дневник, 1893 г. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
кот[орой] ничего не может быть совершенно великого, т. е. та свобода, к[отор]ая, если есть у человека, делает его всемогущим.

15) Мужья ненавидят именно своих жен, как Лесинг сказал: была одна дурная женщина, и та моя жена. В этом виноваты сами женщины своей лживостью и комедиантством. Они все играют комедию перед другими, но не могут продолжать играть ее за кулисами перед мужем, и потому муж знает всех женщин разумными, добрыми, одну только свою знает не такой.

Вот и всё. События были еще то, что Revue des Revues напечатала скверный перевод Неделания, и это меня огорчило, и еще то, что я уже недели три совсем бросил чай, кофе, сахар и, главное, молоко и чувствую себя только бодрее. Вечер 10 ч.

6 Окт. 1893. я. п. е. б. ж.

[3 ноября.] Почти месяц не писал. Нынче 3 ноября 1893. я. п. Мы живем одни с Машей уже 2-ю или 3-ю неделю. Очень хорошо. Она совсем успокоилась, Лева едет за границу. Ему не лучше. Le salut est en vous¹⁵ вышло. Я кончил о религии. Написал Тулон и не посылаю. За это время мало думал, и если и думал, то не записал. Записано только следующее:

1) Ничто так не мешает людям понимать смысл жизни и жить, как должно, как то, что они придумывают себе специальные точки зрения. Так, положим, человека на ваших глазах убивают. Если у вас нет никакой специальной точки зрения вы броситесь отнимать или, по крайней мере, будете негодовать отговаривать, но если у вас точка зрения эстетическая, вы наблюдаете выражение чувств, позы...; если у вас точка зрения служебная, вы одобряете правильно[сть], или не одобряете неправильность с служебн[ой] т[очки] з[рения]; если у вас точка зрения религиозная, вы рассуждаете о грехе и т. п.

2) Многие люди, переходя от мирской жизни к христианской, бывают в тяжелом переходном положении тогда, когда всякая деятельность мирская потеряла смысл и не влияет, а деятельность христианская – форма служения Богу – еще не найдена. Когда находишься в этом положении, не думай, что можешь вернуться к старому, или что можешь оставаться в бездействии, но знай, что спасение только в новой, совсем новой, другой христианской деятельности: содейст[вии] установлению Ц[арства] Б[ожия].

3) Отчего всегда люди гадали на птиц[ах], внутренностях и на картах, пасьянсах? Гадание, обещающее успех, подбавляет энергии, надежды на успех. И потому, когда хочется гадать, знай, что хочется прибавки энергии, прибавь.

4) Жить до вечера и до веку. Жить так, как будто доживаешь последний час и можешь успеть сделать только самое важное. И вместе с тем так, как будто то дело, к[оторое] ты делаешь, ты будешь продолжать делать бесконечно.

5) Не думай никогда, что ты не любишь, или что тебя не любят. Это только нарушена чем-то всегда существовавшая и существующая любовь между тобой и людьми, и тебе надо только постараться устранить то, что нарушает эту вечно связывающую между собой людей любовь – к[оторая] всегда есть.

4 ноября 1893. я. п. е. б. ж.

Нынче 22 декабря 1893. И я уже более месяца в Москве. И ни разу не писал. Мне тяжело, гадко. Не могу преодолеть себя. Хочется подвига. Хочется остаток жизни отдать на служение Богу. Но Он не хочет меня. Или не туда, куда я хочу. И я ропщу. Эта роскошь. Эта продажа книг. Эта грязь нравственная. Эта суета. Не могу преодолеть тоски. Главное, хочу страдать, хочу кричать истину, кот[орая] жжет меня. – За это время многое было. Первое то, что меня перетасили сюда. С[оня] так страдала, томилась, так видно это б[ыло] по ее письмам, что я приехал. Другое, это то, что написал предисловие к Амиелю. 3-е – это тяжелая, не кончающаяся работа над Тулоном, к[оторую] я не могу бросить. Написал еще притчи – не кончил. От л[евы] хорошие письма. Вот новая радость. Девочки ни то, ни се. М[аша] медицина – Таня живопись. – На днях б[ыл] тут музыкант Шор. Мы с ним говорили о музыке, и мне в первый раз уяснилось истинное значение искусства, даже драматического. Это будет первое из того, что я думал за это время.

События были за это время еще: книга Sabbatier о Франциске. Подняло во мне

Дневник, 1893 г. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
воспоминания о прежней страстности добра, полного, на деле, жизнью исполнения истины, потом Amiel, к[оторого] я перечитывал, и теперь новая книга Williams'a True son of liberty.16 Прекрасно. Вызвало желание писать драму. Думаю иногда, что я вышел уже и не в силах писать. И мне грустно, точно как будто я и умирая буду писать и после смерти тоже. Не даром я записал в своей книжечке, скоро после приезда в Москву, что я забыл Бога. Как страшно это забыть Бога. А это делается незаметно. Дела для Бога подменяются делами для людей, для славы, а потом для себя, для своего скверного себя. И когда ткнешься об эту скверность, хочется опять подняться.

1) Неясность определения искусств, музыки, н[а]п[ример], происходит от того, что мы хотим приписать им значение, соответственное тому несвойственному им высокому положению, в к[оторое] мы их поставили. Значение их: 1) помощь для передачи своих чувств и мыслей словом; вызывание настроения, соответствующего тому, что передается, и 2) безвредное и даже полезное, в сравнении со всеми другими, следов[ательно], полезнейшее из всех других удовольствий.

2) По свежее заморзшему льду можно пройти напросте, но если надо нести тяжесть, надо проломать лед до старого. Или, чтобы строить дом, надо выкопать. Не выходит эта притча.

3) Как только ты видишь в себе матерьяльное явление, так ты ничто, п[отому] ч[то] ты часть бесконечной материи в бесконеч[ном] пространстве и времени. Для того, чтобы ты был что-нибудь, тебе надо быть чем-нибудь нематерьяльным: духовным существом. Но и духовное существо твое ограничено и составляет как бы ничто в сравнении с ∞ бесконечн[остью] разума, беск[онечной] любовью. Чтобы быть чем-нибудь, тебе надо быть орудием, органом Сущего, его дифференциалом.

4) Ми-ти (китаец) прав: любовь всепобедна. Но он не прав тем, что хочет переделывать ее, приучать к ней людей. Она не может быть употреблена внешним, она может быть употреблена только внутренним образом, т. е. что человеку, познавшему ее, надо жить ею. Это же и единственное средство ее распространения.

5) Забыть Бога, т. е. забыть, что смысл жизни только в Боге. Как это страшно. А это беспрестанно случается со мной.

5) Спроси себя хорошенько, чего ты хочешь из двух: чтобы тебя сейчас возвеличили, чтобы ты видел плоды своих дел, но было бы возможно сомнение в твоём деле, или чтобы ты был не понят, поруган до конца, но дело твое было бы наверно дело Божие?

6) Вера в дела людские, в науку, н[а]п[ример]. Положиться на них без разбора, всё равно, что брать рожь из невеянного вороха и печь из него хлебы, настаивая на том, что это хлеб, и он обмолочен. (Не вышло.)

7) Либералы у нас точно раскольники старообрядцы. Все это кристаллизировало, окаменило их принципы. И они понимают только свое отношение к правительству; спор о перстах и т. п. Иное же отношение к тому, с чем они борются, кажется им не только чуждым, но враждебным.

8) Смотрю на женщин курсисток, с книжками, тетрадами бегающих с лекций на лекцию. На женщин живописцев, музыкантов. Всё они могут. И, как обезьяны, всё переняли у мужчин. Одного не могут женщины (девушки еще могут), это – нравственного двигателя.

9) У одного хозяина была на его заведении и трудная и, главное, опасная работа. Заставлять людей делать опасную работу насильем или нуждой он не хотел. Он предоставлял им полную свободу и давал им всё, чего они желают, но для того, чтобы придать им смелости и сравнять их всех между собой, он всех их приговорил к смерти. Но только не всех вдруг, в одно определенное время, а по жребию. Так что из миллионов переметенных жеребьев вынимались каждый день тысячи, и тех казнили. И никто не знал, кому когда придется итти на казнь. От этого людям этим уже нельзя было бояться делать дело хозяина, как бы оно страшно ни было, п[отому] ч[то] более страшное, смерть всегда висела над ними.

И вот нашлись из них люди столь глупые, что, зная, что они всякую секунду неизбежно умрут, они все-таки стали обеспечивать свою жизнь и избегать опасностей и перестали делать хозяйское дело. Тогда хозяин уже сделал еще так,

Дневник, 1893 г. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
чтобы те, к[оторые] не исполня[ли] его дела, были лишены увеселений и не только в очередь, но сверх очереди подвергались смерти.

Хозяин это Бог. Работники это все люди. Казнь это смерть, часа к[отор]ой никто не знает. Люди, к[оторые] стали обеспечивать себя и бояться делать дело Божье, это богатые люди, заботящиеся о своей жизни. Новое распоряжение хозяина о том, чтобы те, к[оторые] боятся делать дело его жизни, были лишены увеселения и казнены [не] в очередь, это пресыщенность, болезненность, физическ[ая] и духовн[ая] слабость богатых людей и ранняя смерть, постигающая их.

что будет завтра? 23 декабря 1893. Москва. Когда-то пишу опять?

КОММЕНТАРИИ

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КАНВА ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
Л. Н. ТОЛСТОГО ЗА 1891–1894 гг.
1893

Январь – май 4

Работа над окончанием «Царства божия внутри вас».

январь, 1

Выход № 1 «Северного вестника» с рассказом «Суратская кофейня» («Правительственный вестник», № 2 от 3 января).

январь, 9

Посещение Толстого И. Е. Репиным (письмо С. А. Толстой к Т. А. Кузминской от 10 января).

январь, 20

Авторская дата под краткой заметкой к «Сочинениям Гюи де Мопассана, избранным Л. Н. Толстым», М., изд. В. Н. Маракуева, 1893.

январь, 22

Отъезд с М. Л. Толстой в Ясную Поляну (ЕСТ).

Февраль, 3

Исправление сделанного М. Л. Толстой перевода дневника Амиеля (письмо к С. А. Толстой от 3 февраля).

Февраль, 6

Отъезд с Т. Л. Толстой и Е. И. Поповым в Бегичевку (письмо к С. А. Толстой от 6 февраля).

Февраль, 7–20

В Бегичевке. Обезд столовых и ознакомление с работой сотрудников (письма к С. А. Толстой от 13, 14, 16 и 21 февраля).

Февраль, 8

Чтение книги А. Алексева о Руссо (письмо к С. А. Толстой от 9 февраля).

Февраль, 21

Возвращение в Ясную Поляну. Работа над отчетом П. И. Бирюкова о помощи голодающим (письмо к С. А. Толстой от 21 февраля).

Февраль, 27

Дневник, 1893 г. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Отъезд в Москву (письмо к С. А. Толстой от 25 февраля).

Март, 8

Посещение Толстого Джоном Беллоузом на обратном пути с Кавказа (John Bellows, «Letters and Memoirs», London, 1905).

Март, ок. 20

Передача И. И. Янжулу, уезжавшему в Америку, рукописи «Царства божия внутри вас» для доставления переводчикам (письмо к В. Г. Черткову от 17 марта).

Март, 24

В № 81 «Русских ведомостей» напечатан «Отчет Л. Н. Толстого об употреблении пожертвованных денег с 20 июля 1892 по 1 января 1893 г.».

Апрель, ок. 22

Отсылка рукописи одиннадцати глав «Царства божия внутри вас» переводчикам в Германию и Францию (письмо к В. Г. Черткову от 27 апреля).

Май, 4

Переезд из Москвы в Ясную Поляну.

Май, 12

Первое посещение Толстого писательницей Л. И. Веселитской (В. Микулич, «Тени прошлого», СПб. 1914, стр. 8).

Май, до 12

Пребывание Н. Н. Ге в Ясной Поляне (там же, стр. 31).

Май, 13

Отправка рукописи гл. XII «Царства божия внутри вас» Е. И. Попову для отсылки переводчикам за границу (письмо к Е. И. Попову от 13 мая). Чтение в № 128 «Русских ведомостей» (от 12 мая) речи Э. Золя студентам (В. Микулич, «Тени прошлого», стр. 37).

Май, 14

Окончив «Царство божие внутри вас», Толстой перечитывает начатые раньше произведения.

Май, 16–23

Возвращение к работе над рассказом «кто прав?».

Май, 21

Отъезд с Т. Л. Толстой в Бегичевку.

Май, 21–23

Чтение книг Дюбуа-Реймона «О пределах естествознания» и В. В. Докучаева и Мёля о почвах.

Май, 22–25

Поездка по голодающим деревням.

Май, 26

Возвращение в Ясную Поляну.

Дневник, 1893 г. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

Май, конец

Чтение книги Г. Буасье «Падение язычества».

Май 29 – июнь, до 10

Работа над послесловием к «Царству божию внутри вас».

Июнь, ок. 3

Приезд с Кавказа М. А. Шмидт (письма к М. Л. Толстой от 3 и 10 июня).

Июнь, ок. 3, 5

Чтение статьи И. Иванова о Максе Нордау в № 147 (от 31 мая) «Русских ведомостей».

Июнь, ок. 3, 5?–10

Попытка продолжения работы над статьей о науке и искусстве. Начало работы над статьей «Неделание».

Июнь, ок. 3, 19

Отправка статьи «Неделание» в Петербург журналисту Вилло для перевода.

Июль – август, до 10

Продолжение работы над статьей «Неделание» (пометы переписчиков на обложках черновики).

Июль, 1

Правка французского перевода статьи «Неделание» (письмо кв. Г. Черткову от 1 июля).

Июль, 11

Отъезд в Бегичевку (письмо к Н. Н. Ге-отцу от 10 июля).

Июль, 12–19

В Бегичевке Заканчивание дела помощи голодающим.

Июль, 20

Возвращение в Ясную Поляну (ЕСТ).

Июль, конец – август 2

Пребывание В. Г. Черткова в Ясной Поляне.

Август, 9

Отправка статьи «Неделание» в «Северный вестник» (письмо к Н. Я. Гроту от 9 августа).

Август, 14

Авторская дата первой редакции статьи «Религия и нравственность».

Август, ок. 23

Приезд в Ясную Поляну Н. Н. Страхова и Ш. Саломона

Сентябрь – октябрь

Продолжение работы над статьей «Религия и нравственность».

Сентябрь, 5

Дата рукой Т. Л. Толстой на первой копии «Предисловия к сочинениям Гюи де Мопассана».

Сентябрь, ок. 9

Работа с Е. И. Поповым над переводом Лао-Тзе (письмо Е. И. Попова к Т. Л. Толстой от 9 сентября).

Сентябрь, ок. 23

Написано заключение к последнему отчету о помощи голодающим (письмо М. Л. Толстой к Т. Л. Толстой от 23 сентября).

Сентябрь, 30

Правка составленного П. И. Бирюковым отчета о помощи голодающим (письмо М. Л. Толстой к Т. Л. Толстой от 30 сентября).

Октябрь, 18

Чтение статьи А. Стокгэм «Creative Life» (письмо к В. Г. Черткову от 18 октября).

Октябрь, 19

В № 288 «Русских ведомостей» напечатан «Отчет Л. Н. Толстого об употреблении пожертвованных денег с 1 января 1893 г.».

Октябрь, 20

Чтение повести И. Н. Потапенко «Семейная история» (письмо к С. А. Толстой от 20 октября).

Октябрь, 22

Посещение Толстого корреспондентом «Daily Chronicle» В. Б. Стевени («Daily Chronicle», 14/26 декабря).

Октябрь, 25

Чтение повести В. Микулич «Мимочка отравилась» (письмо к С. А. Толстой от 26 октября).

Октябрь, 27

Приветственное письмо Д. В. Григоровичу по поводу 50-летнего юбилея его литературной деятельности.

Октябрь, 30

Чтение пацифистского журнала «Die waffen nieder!» (письмо к С. А. Толстой от 30 октября). Встреча с К. С. Станиславским у Н. В. Давыдова в Туле (К. С. Станиславский, «Моя жизнь в искусстве», М. 1933, стр. 245–250).

Октябрь – декабрь

Работа над статьей «Христианство и патриотизм».

Октябрь, конец

Выход французского перевода «Царства божия внутри вас». Чтение записок Н. Т. Изюмченко о Воронежском дисциплинарном батальоне (письмо к В. Г. Черткову от 30 октября).

Ноябрь, 11

Дневник, 1893 г. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

Переезд в Москву.

Ноябрь, 22–24

Чтение книги П. Сабатье «Vie de S. François d'Assise».

Декабрь, начало

Исправление перевода дневника Амиеля (письмо к Г. А. Русанову от 3 декабря).

Декабрь, 3–22

Работа над предисловием к дневнику Амиеля.

Декабрь, середина

Посещение Толстого профессором литературы Жюлем Легра (письмо Ж. Легра от 3 января 1894 г.).

Декабрь, 16

Получение № 1 журнала «Ethische Kultur» с переводом статьи «Религия и нравственность» (письмо к В. Г. Черткову от 17 декабря).

Декабрь, 22

Написаны «Три притчи».

ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ОТРЫВКОВ

ИЗ ДНЕВНИКОВ И ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

1891–1894 гг.

Полностью Дневники, Записные книжки и отдельные записи Толстого за 1891–1894 гг. печатаются впервые. Незначительные выдержки из них были опубликованы в следующих изданиях:

1. П. И. Бирюков, «Биография Льва Николаевича Толстого», т. III, Госиздат, М. 1922, стр. 142–243 (17 отрывков, относящихся к 1891 г., 26 – к 1892 г., 6 – к 1893 г. и 12 – к 1894 г.).
2. «Листки Свободного слова», 1899, № 3 – большой отрывок из дневниковой записи от 24 июля 1892 г., под заглавием «Требования любви».
3. В. А. Жданов, «Любовь в жизни Льва Толстого», книга вторая, изд. М. и С. Сабашниковых, М. 1928, стр. 101–130 (17 отрывков, относящихся к 1891 г., 2 – к 1892 г., 3 – к 1893 г. и 8 – к 1894 г.).
4. М. В. Муратов, «Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков в их переписке», изд. Гос. Толстовского музея, М. 1934, стр. 177–218 (3 отрывка, относящиеся к 1891 г., 1 – к 1893 г. и 3 – к 1894 г.).
5. Н. Родионов, «Москва в жизни и творчестве Л. Н. Толстого», изд. «Московский рабочий», М. 1948, стр. 120–124 (1 отрывок, относящийся к 1892 г., 2 – к 1893 г. и 3 – к 1894 г.).

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

ДНЕВНИКИ,

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ И ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАПИСИ Л. Н. ТОЛСТОГО

1891–1894 гг.

Подлинники всех Дневников и Записных книжек Толстого хранятся рукописном отделе Государственного музея Л. Н. Толстого АН СССР (Москва).

1. Дневник 1891 г. Тетрадь в 4°, в картонном переплете. 143 листа. Описание см. в т. 51, стр. 171. Записи 1891 г. начинаются на л. 109: «1 января. Я. П. Приехал Количка». Последняя запись, от 6 июня, кончается на обороте л. 142: «я говорю,

Дневник, 1893 г. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
отучишь драться тем, что руки свяжешь». Л. 143 вложен в конце тетради. Описание его см. ниже под № 8.

2. Дневник 1891–1894 гг. Тетрадь в 4°, в картонном переплете. Всех листов 141. На л. 1 (форзац) рукой Л. Н. Толстого написано: «дневник с 7-го июня 1891 г. по 7 февраля 1895». оборот л. 1 чистый. Последняя запись от 15 февраля 1895 г. кончается на л. 141 словами: «Я написал и отдал три притчи. Конец». оборот л. 141 чистый. Записи 1894 г. кончаются на л. 135.

В тексте пятнадцать вымаранных мест, занимающих в общей сложности двадцать восемь с половиной строк. Наибольшая вымарка в девятнадцать с половиной строк.

3. Записная книжка № 2, 1891 г. Описание см. в т. 51, стр. 172. Всех листов 55. Листы 1–43, датируемые 1890 г., напечатаны в т. 51. В настоящем томе печатается текст, начиная с л. 44, датируемый, на основании сопоставления записей с текстом Дневника, январем – апрелем 1891 г.

4. Записная книжка № 2, 1891 г. Описание см. в т. 50, стр. 244–245.

к 1891 г. относятся стр. 1–10, 20–57. Стр. 11–19, датируемые 1888–1890 гг., напечатаны в тт. 50 и 51.

5. Записная книжка № 3, 1891–1892 гг. Описание см. в т. 49, стр. 193 (дневниковая запись от 25 мая 1886 г.).

6. Записная книжка № 4, 1892–1894 гг. Записная книжка в сером холщовом переплете и с загибом с оттиснутой надписью: «Записная книжка». Всех листов 64, нумерованных неизвестной рукой. Листы исписаны с обеих сторон, большей частью карандашом. Между лл. 32 и 33 один лист вырван, причем на отрыве видны следы записи. Лл. 24 об. – 28, 33–46, 62–63 остались чистыми. Лл. 47–61 заполнены черновыми записями «Катехизиса» («Христианского учения»), начатыми с обратного конца записной книжки. Между лл. 3 и 5 лежал вырванный листок, помеченный «4», но вложенный сюда по ошибке и относящийся также к «Катехизису».

Записи на первой странице л. 1 настолько стерты, что не поддаются расшифровке. Первая запись, доступная прочтению, на обороте л. 1 начинается: «G. Modrich Тверской бульвар». Кончается на л. 64: «что в нас Бог и через нас действует».

Большинство записей относится к работе на голоде в 1892 г. Последние записи относятся, по видимому, уже к началу 1893 г., а черновики «Катехизиса» – к 1894 г. Толстой продолжал пользоваться этой книжкой и в 1895 г. См. т. 53.

7. Записная книжка № 5, 1893–1894 гг. Записная книжка в черном клеенчатом переплете. Всех листов, считая форзацы, 67. Исписаны карандашом и чернилами лл. 16–18, 19б–62а, 63б–65, 66б. Листы 19а, 62б, 63а, 66а, 67а остались чистыми. Начинается на л. 16: «Алексей Архипович Каховский». Кончается на л. 66б: «Ложись, где лежал».

Большая часть записей не датирована. Первые записи относятся к середине мая 1893 г. Датировка определяется переносом записей в Дневник. Последние записи – заметки к работе над «Хозяином и работником» – относятся к январю 1895 г. См. т. 53.

8. Полулисток почтовой бумаги, сложенный вдвое, исписанный с одной стороны рукой Толстого, с другой (пять строчек) – рукой М. Л. Толстой. На исписанной Толстым стороне внизу в правом углу цифра 52. Автограф Толстого начинается: «В памя[ть?] Захар Ряб.»; кончается: «Ведь надо было же». Кроме нескольких слов в начале и середине, все записи относятся к некрологу И. И. Раевского, написанному 27 ноября 1891 г., что позволяет датировать весь листок этим числом.

9. Оторванная половина листа белой почтовой бумаги обычного формата. Лицевая сторона исписана в нескольких направлениях чернилами и карандашом. Внизу пометка карандашом неизвестной рукой: «143». На обороте запись рукой М. Л. Толстой. Начинается: «Дело же Гос. в том». Кончается на обороте: «Устроить склад у Тушина в Рожне». Упоминание о В. Н. Тушине, который сотрудничал с Толстым, оказывая помощь голодающим, с 24 февраля по май 1892 г., позволяет датировать листок мартом – апрелем 1892 г.

Дневник, 1893 г. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

10. Листок бристольского картона, размера и формата визитной карточки. Исписан с обеих сторон в разных направлениях, чернилами и карандашом. Начинается с ответной записки, обращенной к неизвестному лицу: «Жены нет, а я и Ал. Мих.» (см. в т. 66). Кончается на обороте перечнем писем: «1) Леонтьеву 2) Гроту 3) Schroeder'у» Такая группировка писем встречается в августе 1893 г. Эта дата не противоречит содержанию записей и подтверждается упоминанием о А. М. Хирьякове, с которым Толстой находился тогда в переписке.

11. Листок белой бумаги, размером 120x73 мм., повидимому вырванный из Записной книжки. Исписан с обеих сторон карандашом и чернилами. Начинается: «1) Спросить о кабинете». Кончается: «и послать книги–Сторож[енко] Румянц.». Дата (конец июня – начало июля 1894 г.) определяется содержанием.

ПРИМЕЧАНИЯ К ДНЕВНИКАМ 1891–1894 гг.

Все примечания имеют сквозную нумерацию и подводятся к тексту следующим образом: вслед за жирной цифрой номера примечания ставится курсивом цифра, обозначающая страницу, а наверху мелким шрифтом цифра, обозначающая строку, на которой напечатан комментируемый текст. Вслед за этими цифрами дается комментируемое место Дневника или Записной книжки.

1893

5 мая. Стр. 77–78.

461. 774–5. занят своей книгой... еще не совсем кончил. – См. запись от 14 мая и прим. 466.

462. 776–7. из Москвы, где жил с перерывом всю зиму. – Толстой пробыл в Москве с 25 ноября 1892 г. до 29 января 1893 г., затем до 7 февраля был в Ясной Поляне, а с 7 до 20 февраля – в Бегичевке, объезжая столовые и знакомясь с работой сотрудников; 21 февраля вернулся в Ясную Поляну, а 28-го – в Москву.

463. 7720–21. Маша увлеклась и опомнилась. – Намек на увлечение М. Л. Толстой П. И. Раевским.

464. 7721–22. здесь Булыгин. Над ним и Раевым был суд, – Павел Александрович Раев, житель г. Тулы, сочувствовавший взглядам Толстого. См. о нем т. 51. М. В. Булыгин за открытие у себя на хуторе, без разрешения администрации, школы для деревенских детей был приговорен Тульским окружным судом к штрафу в 50 р. или месяцу ареста при гауптвахте; школу же было постановлено закрыть. О суде над П. А. Раевым сведений нет.

465. 788. в предстоящей драме. – Имеется в виду драма «И свет во тьме светит».

14 мая. Стр. 78.

466. 7812. вчера отослал совсем. – Рукопись гл. XII «Царства божия внутри вас».

467. 7513–14. Перечитываю начатое. – Начаты были к этому времени: «Воскресение», «Отец Сергей», «И свет во тьме светит», «Записки матери», «Кто прав?», статья об искусстве и несколько других художественных и философских произведений.

15 мая. Стр. 78.

468. 7817–19. письма Wel lows... Кондратьеву. – Джон Беллоуз – англичанин-квакер, посетивший Толстого в Москве дважды – 9 декабря 1892 г. и 8 марта 1893 г. См. о нем в т. 87, стр. 334. О написанных 14 и 15 мая письмах см. в т. 66.

469. 7820. детский рассказ – Относится к начатому Толстым в ноябре 1891 г. рассказу «Кто прав?».

470. 7822–23. ограбление земли... в Херсонск[ой], Самарск[ой] губернии и др. – В целях колонизации Оренбургского края были изданы в 1871 г. правила продажи казенных земель на крайне льготных условиях отставным чиновникам и служащим. На самом же деле продавались не только казенные земли, но и так называемые «запасные» башкирские, предназначавшиеся для наделения малоземельных

Дневник, 1893 г. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
поселенцев-башкиров. С 1876 по 1880 г. были расхищены таким образом все запасные башкирские земли в Оренбургской, Уфимской и Самарской губерниях в количестве свыше 500 тысяч десятин. Аналогичный процесс совершался и в Новороссийском крае.

471. 7824. арки.... и иллюминация. – По случаю приезда в Москву 12 мая 1893 г. Александра III.

472. 7824–25. в Чикаго выставка – 1 мая 1893 г. в Чикаго открылась всемирная выставка, приуроченная к четырехсотлетию открытия Америки Христофором Колумбом.
23 мая. Стр. 79–80.

473. 791. Бегичевка. – 21 мая Толстой выехал вместе с дочерью Татьяной Львовной в Бегичевку для осмотра голодающих деревень и 26-го вернулся в Ясную Поляну.

474. 791. «Дети», – Другое заглавие рассказа «Кто прав?».

475. 832–3. Писал письма: Чертк[ову], Попову, – см. в т. 66 и 87.

476. 792. Янжулу – Иван Иванович Янжул, экономист, профессор Московского университета; знаком с Толстым с 1882 г. См. т. 49. Янжул уехал в марте в Америку, для участия в международном конгрессе в Чикаго, и взялся по поручению Толстого перевезти за границу и передать переводчице копию рукописи «Царства божия внутри вас». Письмо к нему от 21 мая см. в т. 66.

477. 793. Dumas – Жорж Дюма (р. 1866), психолог, профессор Парижского университета. В сентябре 1891 г. он обращался к Толстому с письмом, прося сообщить некоторые сведения для подготовляемой им к печати книги о Толстом. Книга эта под заглавием «Tolstoï et la philosophie de l'amour» («Толстой и философия любви») вышла в 1893 г. Письмо к Дюма от 20 мая полностью неизвестно. Сохранившийся отрывок черновика напечатан в т. 66.

478. 793. Schröder. – Феликс Шрёдер, французский писатель, приятель Ш. Саломона. При письме от 17 мая н. ст. 1893 г. прислал Толстому свою книгу «Le Tolstoïsme» («Толстовство»), Париж, 1893. Ответное письмо Толстого от 20... 21 мая см. в т. 66.

479. 794. написал Рыбакову – Федор Ильич Рыбаков (р. 1872), сельский учитель в Воронежской губ. Приезжал в январе 1893 г. в Бегичевку, в отсутствие Толстого, и остался там помогать П. И. Бирюкову в деле помощи голодающим. Под псевдонимом Юрия Пригорского напечатал «Воспоминания о Л. Н. Толстом» («Жизнь для всех», 1911, № 3–4) и «Памяти великого человека» («Воронежский телеграф», 1912, № 251 от 7 ноября). Письмо к Рыбакову от 23 мая см. в т. 66.

480. 795. Сопоцько – Михаил Аркадьевич Сопоцько (р. 1869) – студент-медик Московского университета, в то время разделявший взгляды Толстого; был исключен из университета за участие в марте 1890 г. в студенческой демонстрации по поводу смерти Чернышевского и административно выслан в Вологду на два года. С первых чисел октября 1892 г. до августа 1893 г. Сопоцько помогал в организации помощи голодающим, заведя районом столовых в Ефремовском уезде с центром в д. Козловке. Летом 1895 г. был снова арестован и выслан на три года в г. Пудож Вологодской губ. В дальнейшем Сопоцько резко изменил свои взгляды, стал яростным врагом Толстого и писал против него брошюры и статьи пасквильного характера. Позднее он вступил в члены «Союза русского народа» и участвовал в черносотенной газете «Русское знамя», где продолжал нападать на Толстого. После революции эмигрировал за границу. 15 писем Толстого к Сопоцько напечатаны в «Летописях Гос. лит. музея», кн. 2, стр. 128–151.

481. 796. Линденберг. – Герман Романович Линденберг (р. 1860), художник, участник земледельческой общины Байрачная. С октября 1892 г. до половины мая 1893 г. и позднее в 1898 г. сотрудничал с Толстым в деле помощи голодающим. См. т. 71.

482. 797. Дорогой разговор с менонитами. – Меннониты – евангелическая секта, возникшая в Голландии в XVI в. В России меннониты начали селиться с 1789 г. по приглашению русского правительства, стремившегося заселить окраины. Отзыв Толстого о них в связи с этой встречей см. в письме к Л. Л. и М. Л. Толстым от 21 мая (т. 66).

483. 797–8. был в Татищеве. – Татищево – большое село Данковского уезда, в 5 км. от Бегичевки. Здесь были открыты в 1891 г. первые столовые, описанные Толстым в статье «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая». См. т. 29.

484. 798–9. Ходил по тифозным... жутко. – Ср. письмо к Л. Л. и М. Л. Толстым от 24 мая 1893 г. (т. 66).

485. 7912–13. Дюбуа–Раймон... материи и сознания. – Эмиль Дюбуа–Реймон (1818–1896), профессор физиологии Берлинского университета. Имеется в виду книга Дюбуа–Реймона «О пределах естествознания». Перевод с 4-го немецкого исправленного и дополненного издания 1876 г. Е. Милославской, М. 1878.

486. 7916. Докуч[аев]. – Василий Васильевич Докучаев (1846–1903), выдающийся русский геолог–почвовед, профессор Петербургского университета, в 1892–1895 гг. директор Ново–Александровского сельскохозяйственного института.

487. 7917. немец Mōlh – имеется в виду, вероятно, книга Heinrich Möhl, «Der Boden und seine Bestimmung» (Генрих Мёль, «Почва и ее значение»), вышедшая в 1870 г.

27 мая. Стр. 80.

488. 8024. в Софьинке, в Бароновке – Софьино и Бароновка – деревни Данковского уезда, в 8–9 км. от Бегичевки. В Софьине были открыты две столовые.

489. 8027. Столяров. – Вероятно, Семен Иванович Столяров, скрипач из оркестра Большого театра, знакомый С. Л. Толстого.

29 мая. Стр. 80–83.

490. 8032. кроме писем – От 28–29 мая известны письма к Е. И. Попову и А. И. Аполлову (т. 66).

491. 8137. я писал это, что юродство – Ср. записи о юродстве в дневнике 13 августа и 4 декабря 1890 г. (т. 51).

492. 8332–33. Читал Г. Буасье Падение язычества. Роль, к[оторую] там играла риторика, – Толстой читал сочинение французского историка Гастона Буасье (1823–1908) «Падение язычества. Исследование последней религиозной борьбы в четвертом веке», пер. с франц. под ред. и с предисловием М. С. Корелина, М. 1892. О риторике говорится в пятой главе второй книги.

5 июня. Стр. 83–85.

493. 8335. пытался писать послесловие, – Послесловие к книге «Царство божие внутри вас». Не было окончено и сохранилось только в черновых набросках.

494. 8430. Читал о статье Мак[са] Нордау. – Толстой читал статью И. И. Иванова «Заметки читателя. Max Nordau, Entartung». Zweiter Band, Berlin, 1893 (Макс Нордау, «Вырождение», том второй) – «Русские ведомости», 1893, № 147 от 31 мая. Макс Нордау (1849–1925) – немецкий критик и публицист.

495. 859. У поручика – У лесничего Тульского подгородного лесничества. В пору молодости Толстого лесничие имели военные чины и составляли так называемый «корпус лесничих». В 1893 г. лесничим был Прокофий Павлович Шаламов.

10 июня. Стр. 85–86.

496. 8520–21. статьи о науке и искусстве, – Возвращение к работе над статьей об искусстве было вызвано присылкой Чертковым, при письме от 29 мая, составленной им компиляции не изданных в то время рукописей Толстого об искусстве. См. т. 87, № 339 и т. 30.

497. 8521. о письме Золя и Дюма. – Редактор журнала «Revue des revues» Эрнест Смит прислал Толстому две вырезки из французских газет: речь Эмиля Золя о значении труда, произнесенную им на банкете «Студенческого союза», и письмо Александра Дюма–сына к редактору газеты «Gaulois» о стремлениях современной

Дневник, 1893 г. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
молодежи. Речь Золя была напечатана в русском переводе в «Русских ведомостях», 1893, № 128 от 12 мая. Отзыв Толстого об этих двух статьях см. в письме к Л. Л. и М. Л. Толстым от 10 июня 1893 г. (т. 66).

498. 8528. Мой друг детства, – Имеется в виду Константин Александрович Иславин, дядя С. А. Толстой. См. т. 46, прим. 186.

21 июня. Стр. 86–87.

499. 8632. статью о письм[ах] Золя и Дюма – Статью «Неделание». Начатая после 4 июня, статья 19 июня была отослана в Петербург некоему Вилло для перевода на французский язык; но, получив около 1 июля перевод, Толстой начал снова переделывать статью и закончил ее только 9 августа.

500. 8632. в Revue de famille. – «Revue de famille. Annales de la vie contemporaine» («Семейное обозрение. Летопись современной жизни») – французский журнал для «семейного чтения», издававшийся с 1888 г. Жюлем Симоном. Перевод «Неделания» не был напечатан в этом журнале.

25 июня. Стр. 87–93.

501. 9236–931. Тройон... умер с своим кораблем. – Джордж Трайон (1831–1893), английский адмирал, командир Средиземноморской эскадры. 10/22 июня 1893 г. на маневрах, вследствие неправильного распоряжения Трайона, произошло столкновение английских броненосцев «Кампердоуна» и «Виктории», в результате которого «Виктория» пошла ко дну. Из 768 человек команды спаслось только 255. Находившийся на «Виктории» Трайон, виновник катастрофы, отказался покинуть судно и погиб вместе с ним.

18 июля. Стр. 93–94.

502. 9313–14. Поехал в Бегичевку 10-го.... Заканчивал дело. – Толстой выехал из Ясной Поляны не 10-го, а 11 июля (см. письмо к Н. Н. Ге-отцу от 10 июля 1893 г. в т. 66). Это была последняя поездка в Бегичевку, которой Толстой заканчивал свое дело помощи голодающим.

19 июля. Стр. 94–96.

503. 9434. «И равнодушная природа красою вечною сиять», – Заключительные строки стихотворения Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных».

504. 964. у Самари[на]. – У Петра Федоровича Самарина. Имение его «Молоденки» Епифанского уезда Тульской губ. находилось в 18 км. от Бегичевки, на пути в Ясную Поляну. Толстой отправился, очевидно, домой не по железной дороге, а на лошадях.

16 августа. Стр. 96–98.

505. 968–9. появилась за границей выписка из этой книги об Орлов[ском] деле, – Речь идет о выдержках в заграничной прессе из гл. XII «Царства божия внутри вас», в которой рассказывается о встрече Толстого с карательной экспедицией (см. прим. 445) и о расправе орловского губернатора Неклюдова с крестьянами д. Оболешевки.

506. 9612. то, что вешают в деревне, – В первоначальной редакции «Царства божия внутри вас», в гл. XII, § 1, фраза: «И тогда ставят виселицу и душат веревками несколько беззащитных людей», читалась так: «И тогда в деревне, где было возмущение, ставят виселицу и, в виду родных и односельцев, торжественно душат несколько беззащитных людей». Толстой исправил эту фразу по указанию А. М. Кузминского о том, что повешения не производились в деревнях.

507. 9612. что всегда секут, – Толстой значительно сократил и смягчил в гл. XII, § 1 «Царства божия внутри вас» абзацы 2-й и 3-й первоначальной редакции, в которых идет речь о телесных наказаниях крестьян.

508. 9614. нынче послали телеграммы, – Телеграммы эти, с просьбой задержать печатание, перевода гл. XII «Царства божия внутри вас», были разосланы переводчикам: И. Д. Гальперину-Каминскому в Париж; Алине Делано в Бостон;

Дневник, 1893 г. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Рафаилу Лёвенфельду в Берлин. Тексты телеграмм не сохранились. Кроме телеграмм, всем им 17 августа были посланы письма с новыми, смягченными, редакциями некоторых фраз. (Сохранилось лишь письмо к Лёвенфельду. См. т. 66.)

509. 974. дело М[аши] с З[андером]. – Николай Августович Зандер (р. 1868), в то время молодой врач, только что окончивший медицинский факультет Московского университета. С 1 марта 1893 г. жил в семье Толстых в качестве учителя младших сыновей. Вспыхнувшее между ним и М. Л. Толстой взаимное увлечение не завершилось браком, так как брак этот не встретил одобрения со стороны Л. Н. и С. А. Толстых. Зандер в конце июля покинул Ясную Поляну. См. письма к М. Л. Толстой от 31 июля и 3 августа и к Зандеру от 3 августа 1893 г. в т. 66.

510. 9711. Evans'a есть книга. – Имеется в виду книга Фредерика Эванса «The divine law of cure» («Божественный закон лечения»), Бостон, 1884. Отзыв Толстого о ней см. в т. 87, стр. 214–216.

23 августа. Стр. 99–100.

511. 991. Был Страхов – Н. Н. Страхов.

512. 992. и Salomon. – Шарль Саломон (1863–1936), французский промышленный деятель, один из учредителей Musée social (Социальный музей) в Париже и редактор одноименного журнала, автор ряда статей о Толстом и переводчик его произведений. Познакомился с Толстым в 1893 г. и с тех пор состоял с ним в переписке и неоднократно навещал его в Москве и в Ясной Поляне. 12 писем Толстого к Саломону опубликованы им под заголовком «Lettres de Léon Tolstoï à Charles Salomon» («Письма Льва Толстого к Шарлю Саломону») в журнале «Revue des études slaves» («Обзор трудов по славяноведению»), 1930, № 10.

513. 993. пытаюсь писать о религии, – Статью «Религия и нравственность», начатую 14 августа в ответ на письмо к Толстому Георга Гижицкого, редактора журнала «Ethische Kultur» («Этическая культура»).

514. 994. посланный от Кудрявцева за статьей. Я написал ему. – В Ясную Поляну приехал с письмом Д. Р. Кудрявцева от 20 августа его знакомый, Гавриил Зеленый. Ему было поручено получить у Толстого переписанную Е. И. Поповым рукопись «Царства божия внутри вас» для гектографического размножения. Письмо Толстого Д. Р. Кудрявцеву неизвестно.

515. 994–5. написал Дунаеву, Черт[кову], Лёвенф[ельду]. – См. тт. 66 и 87.

516. 998. б[ыл] в Овсянникове. – Толстой ездил в Овсянниково, имение Т. Л. Толстой, в 6 км. от Ясной Поляны, к поселившейся там М. А. Шмидт.

517. 9910. Митя Олсуфьев – Дмитрий Адамович Олсуфьев (1862–1938), близкий знакомый Толстых. См. т. 49.

4 сентября. Стр. 100.

518. 10027. Написал Митрофану и Чертковым. – Письмо М. В. Алехину от 4 сентября см. в т. 66, А. К. и В. Г. Чертковым от 4 сентября – в т. 87, № 344.

5 октября. Стр. 100–103.

519. 10031–32. лева всё не поправляется. – Л. Л. Толстой длительно болел тяжелой формой неврастении.

520. 10032–33. я написал З[андеру]... нехорошо. – Письмо Толстого к Н. А. Зандеру от 6 сентября, ответ Зандера и письмо М. Л. Толстой к Зандеру неизвестны. См. об этой переписке в письме к С. А. Толстой от 15 сентября 1893 г. (т. 84. № 577).

521. 10036–37. Мы с ним по немец[кому] Штраусу переводили лаотзи. – Толстой переводил Лао-Тсе вместе с Е. И. Поповым, руководствуясь немецким переводом Виктора фон Штрауса (1809–1899): «Lao-tse. Tao-te-king. Uebersetzt und commentiert von Victor von Strauss» (Лао-Тсе, Тао-те-кинг. Перевод и комментарий Виктора фон Штрауса). Лейпциг, 1870, и французским Ст. Жюльена – «Lao-tseu. Traduit avec un commentaire perpétuel par St. Julien» («Лао-Тсе. Перевод с

Дневник, 1893 г. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
непрерывным комментарием Ст. Жюльена»), Париж, 1842.

522. 10038. писал статью о религии. Как будто кончил. – Статью «Религия и нравственность». Последняя редакция этой статьи датирована 13 октября.

523. 1011. Написал еще начерно статью о Мопассане. – Предисловие к сочинениям Мопассана было закончено только 2 апреля 1894 г. См. т. 30.

524. 10210–11. в сказке о добывании живой воды, поющего дерева, – Поиски живой и мертвой воды и поющего дерева – сказочные мотивы, неоднократно встречающиеся в русских народных сказках. Ср. сказку «Поющее дерево и птица говорунья» – «Народные русские сказки, собранные Н. А. Афанасьевым», изд. 3-е, под ред. А. Е. Грузинского, М. 1897, стр. 196–199 и 201–203.

525. 10234–38. Милль говорит... благо всех прочих». – Джон Стюарт Милль (1806–1873), английский философ и экономист. Свои взгляды на отношение общего блага к частному Милль изложил в книге «Утилитарианизм» (русский перевод Л. Н. Неведомского, Спб. 1869).

526. 10318–19. Лесинг сказал... и та моя жена. – Упомянутое высказывание Лессинга находится в его эпиграмме «Злая жена». Эту эпиграмму Толстой поместил эпиграфом к одной из первых редакций «Крейцеровой сонаты» (см. т. 27, стр. 385 и 612). См. также в Дневнике 1900 г. запись от 13 марта (т. 54, стр. 14).

527. 10324–25. Revue des Revues напечатала скверный перевод Неделания, – французский перевод «Неделания», исполненный не с русского оригинала, а с английского перевода, был напечатан под заглавием «Le non agir» в «Revue des Revues», 1893, № 4 (октябрь), стр. 728–732.

3 ноября. Стр. 103–104.

528. 10332. Le salut est en vous вышло. – Сделанный И. Д. Гальпериным–Каминским французский перевод «Царства божия внутри вас», вышедший в Париже в издательстве Perrin.

529. 10332–33. Написал Тулон – Имеется в виду статья «Христианство и патриотизм». В связи с заключением франко-русского союза, в октябре 1893 г. была послана в Тулон русская эскадра, которой там была устроена торжественная встреча. Повод к статье подала Толстому поднятая вокруг этого события газетная шумиха.

22 декабря. Стр. 104–107.

530. 10433. я уже более месяца в Москве. – Толстой переехал в Москву 11 ноября (ЕСТ).

531. 1054–5. написал предисловие к Амиелю. – См. прим. 450.

532. 1056–7. написал еще притчи – не кончил. – «Три притчи», окончательно отделанные лишь в феврале 1895 г. и напечатанные впервые в книге «Почин. Сборник Общества любителей российской словесности на 1895 г.», М. 1895, стр. 328–336.

533. 1057. от л[евы] хорошие письма. – Письма Л. Л. Толстого из Парижа, без дат, с штемпелями получения: Москва, 17 декабря и 20 декабря 1893 г.

534. 1053. м[аша] медицина – М. Л. Толстая стремилась поступить на медицинские курсы, но слабое здоровье и несовместимость обучения на курсах с занятиями у отца не позволили ей получить медицинское образование.

535. 1058. Таня живопись. – Т. Л. Толстая окончила в 1880-х гг. школу живописи, ваяния и зодчества со званием свободного художника. 19 июля 1893 г. М. Л. Толстая писала Е. М. Персидской: «Таня очень увлечена искусством. Выстроила мастерскую и пропадает в ней целыми днями» (ГМТ).

536. 1059. музыкант Шор. – Давид Соломонович Шор (р. 1867), пианист, профессор Московской консерватории.

537. 10513–14. книга Sabbatier о Франциске. – книга французского писателя Поля

Дневник, 1893 г. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Сабатъе (1858–1928) «Vie de saint François d'Assise» («Жизнь святого Франциска Ассизского»), Париж, 1893. Из ответного письма Сабатъе, полученного Толстым 19 декабря 1893 г., видно, что он получил написанное по поручению Толстого письмо с просьбой о разрешении перевода этой книги на русский язык. Перевод этот был издан «Посредником» в 1898 г.

538. 10516–17. книга Williams'a True son of Liberty. – Книга американского писателя, приверженца Генри Джорджа, буржуазного космополита Франка Парди Вильямса «A true son of Liberty. Or the man who would not be a patriot» («Истинный сын свободы, или человек, который не захотел быть патриотом»), Нью-Йорк, 1893.

539. 10520 . записал в своей книжечке, – Ср. ниже стр. 251.

540. 1069. Ми-ти (китаец) – Ми-Ти (или Мо-Ди) – китайский философ, религиозный писатель, живший в V в. до н. э. См. т. 87, стр. 20.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРОМУ ТОМУ.

I

В 52 томе Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого публикуются впервые Дневники и Записные книжки за 1891–1894 гг.

Начало 90-х годов было отмечено тяжелым всенародным бедствием – голодом, охватившим многие районы России.

Разразившийся голод был прямым следствием экономического и политического закабаления народа. Реформа 1861 г., проведенная феодально-крепостническим правительством в интересах помещиков, ограбила крестьян. После реформы, с развитием капиталистических отношений в стране, процесс обезземеливания и разорения крестьянства шел с возрастающей быстротой. «Крестьяне голодали, вымирали, разорялись, как никогда прежде, и бежали в города, забрасывая землю».17 Ускоренным темпом шло в эти годы и расслоение крестьянства: из его среды выделялась зажиточная кулацкая верхушка – деревенская буржуазия, а среднее крестьянство и беднота превращались в деревенских пролетариев.

К концу 80-х годов экономическое положение трудового крестьянства стало поистине катастрофическим. Разоренные и обнищавшие крестьяне оказались к этому времени не в состоянии обрабатывать даже те жалкие обрезки надельной земли, которые у них сохранились после реформы. Земля продавалась за бесценок или сдавалась в аренду помещикам и кулакам. «Помещики выжимали последние соки из отсталого крестьянского хозяйства различными грабительскими способами (аренда, штрафы). Основная масса крестьянства из-за гнета помещиков не могла улучшать свое хозяйство. Отсюда крайняя отсталость сельского хозяйства в дореволюционной России, приводившая к частым неурожаям и голодовкам».18

В своих публицистических статьях 80-х годов Толстой многократно писал о тяжелом положении крестьянства. Еще в 1873 г. он отдал немало сил борьбе с разразившимся в Самарской губернии голодом.19 Теперь, в 1891–1892 гг., писатель целиком посвятил себя оказанию помощи голодающим крестьянам.

Первые вести о приближающемся голоде дошли до Толстого летом 1891 г. Тяжелое народное бедствие глубоко встревожило писателя. Сочувствуя народу, Толстой обличает пустую болтовню сытых и богатых людей о помощи «младшему брату».

«Все говорят о голоде, все заботятся о голодающих, хотят помогать им, спасти их. И как это противно! Люди, не думавшие о других, о народе, вдруг почему-то возгораются желанием служить ему. Тут или тщеславие – высказаться, или страх; но добра нет», – записывает он в Дневнике 25 июня 1891 г. Лицемерная «забота» тунейдцев о голодающем труженике, которого они обобрали и трудами которого они кормятся, представляется Толстому заботой о «поддержании жизни мучимого работой раба, прогоняемого сквозь строй, чтобы добавить ему его 5000»20 (палок. – А. Ш.). Толстой считает, что все силы надо употребить на противодействие несправедливому социальному строю, при котором одни живут в роскоши, а другие голодают, и резко отвергает мысль о помощи населению за счет пожертвований богатых людей. Об этом он, в частности, пишет в июле 1891 г. Н. С. Лескову. Он решительно высказывается против того, чтобы «собрать побольше мамона неправды и, не изменяя подразделения, увеличить количество корма». «Делать этого рода дела,

Дневник, 1893 г. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru – пишет Толстой, – есть тьма охотников, – людей, которые живут всегда не заботясь о народе, часто даже ненавидя и презирая его, которые вдруг возгораются заботами о меньшем брате, – и пускай их это делают. Мотивы их и тщеславие, и честолюбие, и страх, как бы не ожесточился народ. Я же думаю, что добрых дел нельзя делать вдруг по случаю голода».21

Говоря о «противодействии» существующему строю, Толстой, однако, не имеет в виду насильственной борьбы с ним. Главное, по мнению Толстого, это всегда проповедовать и делать добро, «любить и голодных, и сытых».22 К такой деятельности, которая вызывала бы в людях любовь друг к другу, и призывает Толстой. «Но кажется, будет самым действительным средством против голода, – заключает он свое письмо к Лескову, – написать то, что тронуло бы сердца богатых. Как вам бог положит на сердце, напишите, и я бы рад был, кабы и мне бог велел написать такое».

В этих словах, перекликающихся со многими дневниковыми записями Толстого, видна вся глубина противоречий мировоззрения писателя. С гневом и презрением говорит Толстой о строе корысти и наживы, являющемся главной причиной народного горя. Но, находясь в плену своего реакционного утопического учения, он не видит правильных путей борьбы с социальным злом.

Колебания Толстого в вопросе о средствах помощи голодающим крестьянам были вызваны и его сомнениями относительно возможности пользования деньгами. Не понимая законов развития капитализма, принципиально отвергая, как писал Ленин, всякую попытку выяснить «связь этого строя с господством капитала, с ролью денег, с появлением и развитием обмена»23 и принимая следствие за причину, Толстой видел именно в деньгах источник порабощения народа. Он считал за «грех» собирать деньги, эту «мамону неправды», и распределять их среди голодающих. На первых порах он готов был, во имя своего учения, воздержаться от этого «греха».

Но обстоятельства вскоре сложились так, что Толстому пришлось примириться с отступлением от догмы своего учения. «Действительность... указывала направление, единственно достойное человека – к активизму, к непосредственному вмешательству в жизнь человеческой воли и разума».24 Так бывало с Толстым неоднократно. Так случилось и теперь. Объехав в сентябре 1891 г. голодающие районы и убедившись, насколько велико народное бедствие, он понял, что другого выхода, кроме материальной помощи, нет и что «неупотребление денег в данном случае будет мучать совесть» (Д, 13 сентября 1891 г.). Активная всесторонняя забота о голодающих и стала важнейшим делом Толстого на протяжении ближайших лет.

Деятельность Толстого по борьбе с голодом продолжалась с перерывами в течение двух лет и привлекла к нему симпатии всего передового человечества. На поступающие со всех концов России и из-за границы деньги им были организованы в Данковском и Скопинском уездах Рязанской губернии, в Ефремовском и Епифанском уездах Тульской губернии 212 столовых, в которых кормились тысячи крестьян, особенно стариков и детей. Крестьянам оказывалась помощь и в поддержании хозяйства, в сохранении скота. Сотрудниками писателя были в ряде деревень организованы медицинские пункты для борьбы с эпидемиями.

Лев Толстой находился в Бегичевке Рязанской губернии, в самом центре голодающих деревень, и лично руководил организацией помощи населению. Его статьи «Страшный вопрос», «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая», «Письма о голоде», а также периодические отчеты об израсходованных средствах, появившиеся в печати под заголовком «Среди голодающих», всколыхнули всю Россию. В этих остро обличительных статьях звучит гневный голос самого крестьянства, ограбленного эскпloatаторами, доведенного до голодной смерти.

В дневниковых записях, сделанных во время голода, как в зеркале, отразилась бедственная жизнь крестьянства. Как и статьи Толстого этого времени, они содержат в себе страшную правду о русской дореволюционной деревне, о тяжелой жизни народа.

Объезжая в сентябре–октябре 1891 г. уезды Тульской и Рязанской губерний, пораженные голодом, Толстой прежде всего отмечает резкий контраст сытой и беспечной жизни помещиков и голодной, беспросветной жизни крестьян. Его Дневники и Записные книжки поражают обостренным восприятием этого контраста. В них нет одинаковой «любви к сытым и голодным», которую писатель еще так недавно проповедовал. Наоборот, они полны гнева и сарказма по адресу помещиков, которые

Дневник, 1893 г. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
и перед лицом всенародного горя продолжают жить своей пустой, эгоистической жизнью.

«У Бурдиных помещичья семья, – отмечает он в Записной книжке 19 сентября 1891 г., – барыня полногрудая с проседью, в корсете, с бантиком на шиньоне... угощает и кофеем, и кремом, и котлетами, и грустит о том, что дохода нет... За столом подали водку и наливку и предложили курить и объедаться» (стр. 192).

Такую же картину Толстой наблюдает и у помещика Свечина, содержащего великолепный дом, конный двор, винокуренный завод, псарню, голубятню. «Интересы у Бурдиных и здесь, у Бибикова: имение, доход, охота, собаки, экзамены детей, лошади», – отмечает он в Записной книжке. И в той же Записной книжке на соседних страницах читаем:

«Ознобишино. – Картофеля нет. Побираются почти все».

«Мещерки. 6 душ. Сын в солдатах. Раскрыто. 5 четвертей овса. – Побирается, принесла хлеба».

«Третья. Хлеба нет. Испекли два хлеба с лебедой. Овса три четверти. Картофеля нет».

«Лебеда нынешнего года зеленая. Ее не ест ни собака, ни свинья, ни курица. Люди, если съедят натошак, то заболевают рвотой» (стр. 191–193).

В последующие недели и месяцы, живя среди крестьян, Толстой еще более убеждается в катастрофических размерах голода. И он все чаще отмечает это в своем Дневнике. Вот некоторые из наиболее характерных записей:

25 сентября 1891 г.: «24-го ходили в деревню Мещерки. Опущенность народа страшная: разваленные дома – был пожар прошлого года – ничего нет, и еще пьют».

19 декабря 1891 г.: «Положение мужика, у которого круг его кольца разорван, и он не мужик, не житель, а бобыль».

29 февраля 1892 г.: «Выхожу утром... на крыльцо, – большой, здоровый, легкий мужик, лет под 50, с 12-летним мальчиком, с красивыми, вьющимися, отворачивающимися кончиками русых волос. «Откуда?» Из Затворного. Это село, в котором крестьяне живут профессией нищенства... Что? – Да не дайте помереть голодной смертью. Всё проели. – Ты побираешься? – Да, довелось. Всё проели, куска хлеба нет. Не ели два дня... Ни топки, ни хлеба. Ходили по миру, не подают. На дворе мятель, холод... Оглядываюсь на мальчика. Прекрасные глаза полны слез, и из одного уже стекают светлые, крупные слезы».

23 мая 1893 г.: «Вчера был в Татищеве. Бедность ужасна. Ужасен контраст».

Ощущение резкого контраста между сытой, паразитической жизнью господ и ужасающей нищетой народа не покидает Толстого во все время его пребывания среди голодающих крестьян и становится основной темой его публицистики, а также и последующего художественного творчества. В социальном неравенстве, в ограблении крестьянства помещиками, в лишении крестьян земли видит он главную причину всех бедствий народа.

«Народ голоден от того, что мы слишком сыты, – утверждает он в своих «Письмах о голоде». – Разве может быть неголоден народ, который в тех условиях, в которых он живет, то есть при тех податях, при том малоземельи, при той заброшенности и одичании, в котором его держат, должен производить всю ту страшную работу, результаты которой поглощают столицы, города и деревенские центры богатых людей?»²⁵

Отвечая на этот вопрос, Толстой высмеивает, как нелепую и вздорную, мысль, будто господа могут прокормить народ. «Удивительное дело! – иронизирует он, – ...паразит собирается кормить то растение, которым он питается».²⁶

Через десять лет, в 1902 г., в связи с новым голодом в России, В. И. Ленин в статье «Признаки банкротства» гневно бросил эти негодующие слова Толстого в лицо русскому самодержавию. «Хищническое хозяйство самодержавия, – писал Ленин, – покоилось на чудовищной эксплуатации крестьянства. Это хозяйство предполагало,

Дневник, 1893 г. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru как неизбежное последствие, повторяющиеся от времени до времени голодовки крестьян той или иной местности. В эти моменты хищник-государство пробовало парадировать перед населением в светлой роли заботливого кормильца им же обобранного народа. С 1891 года голодовки стали гигантскими по количеству жертв, а с 1897 г. почти непрерывно следующими одна за другой. В 1892 г. Толстой с ядовитой насмешкой говорил о том, что «паразит собирается накормить то растение, соками которого он питается». Это была, действительно, нелепая идея».27

II

Наблюдения и переживания Толстого в период его борьбы с голодом обостряют его интерес к социальным вопросам и усиливают его поиски выхода из тупика общественных противоречий. В Дневниках 1891–1894 гг. сотни записей на эту тему – записей, в которых тесно переплетены, по выражению Ленина, и «разум» писателя, и его «предрассудок», и то, что составляет силу идеологии патриархального крестьянства – протест против угнетения, и то, что отражает ее слабость, политическую незрелость и ограниченность.

Основной вопрос, который ставится в Дневниках, как и в публицистических статьях этих лет, это вопрос о путях уничтожения социального зла и установления социальной справедливости. Ошибочно считая непотворение злу насилием, нравственное самоусовершенствование людей единственными плодотворными средствами общественного переустройства, Толстой отвергает революционное, насильственное изменение общественных отношений.

Видя вокруг себя закабаленный народ, находящийся в порабощении у вооруженных до зубов эксплуататоров, Толстой ошибочно умозаключает, будто «капиталисты, то есть те, кого защищает власть, сила, всегда будут сильнее» (Д, 16 февраля 1891 г.). В подтверждение своей мысли писатель ссылается на печальный опыт прежних крестьянских восстаний, не учитывая того, что восстания эти терпели поражение именно из-за политической незрелости, неорганизованности, стихийности крестьянских масс. Крестьянство может победить своих вековых угнетателей в тесном союзе и под руководством рабочего класса – самого передового, организованного и до конца последовательного борца против угнетения. Но именно исторической роли пролетариата, как союзника и руководителя крестьянства, Толстой не видит и не признает. Он утверждает, что достижение «кооперации, коммунизма, общественной» возможно только путем следования людей «побуждению сердца, совести, разума, веры» (Д, 14 февраля 1891 г.), закрывая глаза на то, что сами по себе добрые побуждения, не подкрепленные борьбой с угнетателями, никогда не приводили народ к победе. Он не видит абсолютной утопичности своих упований на нравственное перевоспитание людей в паразитическом обществе, раздираемом классовыми противоречиями, органически порождающем эгоизм, злобу, зависть, в обществе, где человек человеку – волк.

В рассуждениях Толстого о средствах достижения справедливого социального строя глубоко ощутимы политическая наивность, слабость и ошибочность его «рецептов спасения человечества». Толстой, как указал Ленин, обнаруживает здесь «такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю».28

Но наряду с этим мы встречаем в Дневниках Толстого глубокое, искреннее осуждение эксплуататорского строя, гневный протест против всех видов порабощения народа, ощущение неизбежности классовых схваток между угнетенными и угнетателями. Так, например, 13 сентября 1891 г. Толстой записывает в Дневнике: «Неужели люди, теперь живущие на шее других, не поймут сами, что этого не должно, и не слезут добровольно, а дождутся того, что их скинут и раздавят».

Резко осуждая самодержавие за его зверскую расправу с восстающим народом, Толстой отмечает в Дневнике: «Мучительно тяжелое впечатление произвел поезд администрации и войск, ехавших для усмирения» (15 сентября 1892 г.).

В другой раз, в связи с нелепым распоряжением властей привести к присяге детей, Толстой записывает: «Велено присягать 12-летним. Неужели они думают связать этим детей? Разве не очевидно это самое требование показывает их вину и сознание ее. Хотят удержать и спасти тонущее самодержавие и посылают на выручку ему православие, но самодержавие утопит православие и само потонет еще скорее» (30 октября 1894 г.).

Таких записей в Дневнике немало. Они показывают, насколько был силен в Толстом горячий, страстный протест против угнетения народа, как остро, «по-мужицки», реагировал он на все виды господского насилия.

Вступая в непримиримое противоречие с аскетическими догматами своего религиозно-нравственного учения, Толстой утверждал необходимость активного вмешательства человека в дело жизни.

«Смотрел, подходя к Овсянникову, на прелестный солнечный закат, – записывает он в Дневнике 14 июня 1894 г. – В нагроможденных облаках просвет, и там, как красный неправильный угол, солнце. Всё это над лесом, рожью. Радостно. И подумал: Нет, этот мир не шутка, не юдоль испытания только и перехода в мир лучший, вечный, а это один из вечных миров, который прекрасен, радостен и который мы не только можем, но должны сделать прекраснее и радостнее для живущих с нами и для тех, кто после нас будет жить в нем».

III

Исключительный интерес представляют дневниковые записи 1891–1894 гг., относящиеся к художественному творчеству писателя.

На первом месте среди замыслов художественных произведений, волнующих в этот период Толстого, стоит замысел большого социально-обличительного романа, который дал бы возможность показать жизнь в ее наиболее существенных противоречиях и объединил бы многие из задуманных и начатых писателем вещей.

«Как бы хорошо, – записывает Толстой в Дневнике 25 января 1891 г., – писать роман de longue haleine, освещая его теперешним взглядом на вещи. И подумал, что я бы мог соединить в нем все свои замыслы, о неисполнении которых я жалею, все, за исключением Александра I и солдата: и разбойника, и Коневскую, и отца Сергия, и даже переселенцев и Крейцерову Сонату, воспитание. И Миташу, и записки сумасшедшего, и нигилистов».

Размышляя над этим будущим большим произведением, Толстой в Дневнике запечатлевает его «смысл», то есть те основы, на которых оно могло быть создано. «Да, начать теперь и написать роман имело бы такой смысл. Первые, прежние мои романы были бессознательное творчество. С «Анны Карениной», кажется больше 10 лет, я расчленял, разделял, анализировал; теперь я знаю что что и могу всё смешать опять и работать в этом смешанном» (запись 26 января 1891 г.).

Роман «Воскресение», который писатель обдумывал в этот период, и стал в конце 90-х годов воплощением его грандиозного замысла. Русская жизнь последней трети XIX века изображена в романе не только во всей ее сложности и многогранности, но и с новых идейных и эстетических позиций. Все лица и события освещены в нем новым «взглядом на вещи» – взглядом, соответствующим чаяниям, настроениям, интересам обездоленного крестьянства.

Работу над «Воскресением», начатую в конце 1889 г., Толстой в 1891–1894 гг. не продолжал, но мысль о романе не оставляла его. Так, 22 мая 1891 г. он отмечает в Дневнике, что получил от прокурора Тульского окружного суда Н. В. Давыдова «очень хорошее дело для Коневского рассказа». Запись от 10 июня 1891 г. содержит план одной из будущих сцен романа («играют в горелки с Катюшей и за кустом целуются») и определяет его композиционные контуры («Первая часть – поэзия материальной любви, вторая – поэзия, красота настоящей»).

Большой интерес представляют и записи в Дневнике, раскрывающие историю замысла и создания «Отца Сергия» (см. записи от 10 и 13 июня, 22 июля, 25 сентября, 6 ноября 1891 г. и др.) и вновь задуманных в 1891–1894 гг. художественных произведений. Важнейшим из них является рассказ «Кто прав?», посвященный изображению контраста между безысходной нуждой крестьянства и паразитическим существованием помещиков и сановников в дни голода. Этот рассказ, содержащий замечательные по своей яркости и правдивости картины барской и народной жизни, остался, к сожалению, неоконченным.

Неоконченной осталась и повесть «Мать», начатая Толстым в апреле 1891 г. и посвященная, судя по сохранившимся отрывкам, проблемам воспитания детей в барских семьях. Упоминается в Дневнике и замысел «повести, в которой выставить

бы двух человек: одного – распутного, запутавшегося, павшего до презрения только от доброты, другого – внешне чистого, почтенного, уважаемого от холодности, не любви» (запись 9 февраля 1894 г.). Этот замысел впоследствии Толстой стремился осуществить в драме «Живой труп».

IV

Записи Толстого об искусстве, занесенные в Дневники 1891–1894 гг., имеют большое значение для характеристики эстетических взглядов писателя. Пережитый на рубеже 80-х годов идейный перелом привел Толстого к новому осмыслению роли искусства в современном ему обществе. Первой его реакцией во время резких «расчетов с самим собой» было отречение от собственного художественного наследия и полное отрицание современного искусства как ненужного и даже вредного для народа. «Пока я не жил своею жизнью, а чужая жизнь несла меня на своих волнах, – писал Толстой в «Исповеди» – ...отражения жизни всякого рода в поэзии и искусствах доставляли мне радость. Мне весело было смотреть на жизнь в это зеркальце искусства; но когда я стал отыскивать смысл жизни, когда я почувствовал необходимость самому жить, зеркальце это стало мне или не нужно, излишне и смешно, или мучительно».30 Переосмысливая под этим углом зрения свою почти тридцатилетнюю художественную деятельность, Толстой пришел к выводу, что в ней «не было ничего высокого» и что вся теория искусств, которой он служил, была – на деле – «большой, огромный соблазн, то есть обман, скрывающий от людей благо и вводящий их в зло».31

Но Толстой был слишком большим художником и глубоким мыслителем, чтобы долго оставаться на этой грубо упрощенной, ошибочной позиции. Отрекшись сгоряча от искусства, он продолжил свои глубокие поиски его смысла и значения и вскоре понял, что он, по народной пословице, «осердясь на блох, и шубу в печь», то есть что, справедливо отвергнув развращенное «господское» искусство, он напрасно отверг искусство в целом. «Когда я остыл немного, – признался он в 1882 г., – я убедился, что... в этой материально бесполезной деятельности так называемого искусства... есть и полезное, хотя и не материально, то есть добро».32

Поняв это, Толстой с присущим ему бесстрашием начал поиски тех признаков и критериев, которые отделяют подлинное, нужное людям искусство от того, которое действительно является забавой для сытых. Так возникли замыслы статей об искусстве, которые занимали Толстого на протяжении пятнадцати лет и, видоизменяясь, впоследствии выросли в трактат «Что такое искусство?».

К 1891 г. относится работа над оставшимися не законченными статьями «Наука и искусство» (1889–1891) и «О науке и искусстве» (1891), которые Толстой пишет, пересматривая свои прежние статьи на эту тему («Письмо к издателю «Художественного журнала» Н. А. Александрову 1882 г., статья «Об искусстве» 1889 г., статья «О том, что есть и что не есть искусство, и о том, когда искусство есть дело важное и когда оно есть дело пустое» 1889–1890 гг., отрывок «Об искусстве» 1889 г.).

Большие затруднения, которые испытывал Толстой, формулируя новую теорию искусства, объяснялись глубокими противоречиями его мировоззрения. Страстное обличение и отрицание «господского» искусства с точки зрения народных, точнее крестьянских, нужд сочеталось у него с религиозно-нравственными требованиями к искусству, а требования эти не создавали базы для правильного решения вопроса о подлинно народном искусстве.

Действительно, народу не нужно пустое, бессмысленное искусство, единственным признаком которого является его «материальная бесполезность». Ему не нужно пошлое, безидейное и к тому же недоступное искусство пресыщенных, развращенных господ. Но какое же искусство ему нужно? Где критерии полезного и необходимого людям искусства? Каковы признаки подлинно народного искусства? Какие произведения прошлого и современного искусства отвечают требованиям нужного народу искусства?

На все эти вопросы Толстой не смог дать правильного ответа. Он приходил к выводу, что искусство должно руководиться «религиозным сознанием своего времени» и проповедовать любовь к ближнему. Он объявлял первейшим критерием искусства абстрактное понятие добра, придавая ему внеисторический, вечный и откровенно религиозный смысл. И вполне понятно, что, как он ни бился, он не смог на этих противоречивых и ошибочных путях создать новую стройную теорию искусства.

Дневник, 1893 г. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Постоянные, все возрастающие трудности писателя в его работе над статьями об искусстве, его неудовлетворенность своими выводами, как и противоречивость самих суждений, можно проследить по его дневникам. Вот некоторые из записей, относящихся к январю 1891 г.

5 января: «Вечером начал было писать об искусстве, но не запутался, а слишком глубоко запахал. Попробую еще».

6 января: «Писал об искусстве. Остановился. Сил мало».

15 января: «Много думал об искусстве. В мыслях подвинулось, но не на бумаге».

25 января: «Два раза брался за науку и искусство и всё перемарал, вновь написал и опять перемарал, и не могу сказать, чтобы подвинулся».

В феврале Толстой снова берется за эту тему, но трудности не уменьшаются, а возрастают. И он записывает в Дневнике: «Мало» подвинулся... Нет энергии» (запись 11 февраля). Дело не подвигается, повидимому, и в последующие недели, и 24 февраля Толстой отмечает в Дневнике: «Бросил писать о науке и искусстве...»

В конце марта он сообщает Н. Н. Страхову: «Свою статью о науке и искусстве я опять отложил – она меня отвлекала от другого более, по моему мнению, важного дела».33 (Этим «более важным» делом Толстой считал трактат «Царство божие внутри вас».) Но стремление сформулировать теорию искусства все же не покидало Толстого, и он на протяжении последующих лет заносит в Дневник все новые и новые записи на эту тему.

Основное и главное, что все более «уясняется» писателю в этот период, это мысль о паразитическом характере «господского» искусства, чуждого и ненужного народу.

22 мая 1891 г. Толстой записывает в Дневнике: «К художественному: Я не то что ем или пью, а я занимаюсь искусством, играю на фортепьяно, рисую, пишу, читаю, учусь, а тут приходят бедные, оборванные, погорелые, вдовы, сироты, и нельзя в их присутствии продолжать, – совестно. Что их нелегкая носит, держались бы своего места, – не мешали. Такое явление среди еды, lawn-tennis34 и занятий искусством и наукой доказывает больше всяких рассуждений».

Размышляя далее на эту тему, Толстой приходит к еще более резким выводам. Искусство в эксплуататорском обществе, утверждает он, не только никчемно и бесполезно – оно вредно, поскольку покоится на порабощении и ограблении народа (см. запись 6 ноября 1891 г.).

Это утверждение закономерно приводит Толстого снова к выводу о ненужности современного искусства, и в статье «Наука и искусство» он так и пишет: «Так как наука и искусство приносят больше вреда, чем пользы, то гораздо бы лучше было, если бы их совсем не было».35

Но ведь эта мысль неверна; она противоречит выводу, к которому уже пришел Толстой: «Как бы люди ни злоупотребляли в нашей жизни важным значением наук и искусств, под видом наук и искусств делая пустые и даже вредные дела, нельзя отвергать наук и искусств, составляющих всю силу и значение человеческой жизни».36 Где же выход? В чем же сущность истинной науки, истинного искусства?

Ответа на эти волнующие его вопросы об искусстве Толстой неутомимо ищет и в последующие годы, о чем свидетельствуют его Дневники, письма и особенно многолетняя работа над статьями об искусстве и трактатом «Что такое искусство?», законченным лишь в 1898 г.

V

Личная жизнь писателя идет в эти годы в глубоком разладе с семьей. «Барские» условия жизни, отвергнутые Толстым еще в годы его идейного перелома, становятся для него сейчас, перед лицом страданий голодающего народа, совершенно невыносимыми.

Не желая огорчить своих близких, он не решается уйти из дома, хотя мысль об этом все чаще посещает его. Но и примириться с пустой, эгоистической «господской» жизнью он не может. 5 марта 1891 г. он заносит в Дневник: «Тяжела дурная барская

Дневник, 1893 г. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru жизнь, в которой я участвую». 24 марта он снова пишет: «Ненужная, чуждая мне обстановка лишает меня того, что составляет смысл и красоту жизни». Об этом же он записывает и 27 июня; «Грустно, гадко на нашу жизнь, стыдно. Кругом голодные, дикие, а мы... стыдно, виноват мучительно». В дальнейшем эти мысли становятся лейтмотивом множества дневниковых записей Толстого.

Тяжелые разногласия с семьей вызвало намерение Толстого отказаться от имения и от прав на издание своих сочинений. Убедившись, что собственность является коренной причиной социального зла, Толстой решил отречься от всех прав на свое имущество и произведения. Однако это намерение встретило упорное сопротивление со стороны близких. Многократные попытки Толстого добиться добровольного согласия родных на этот важный для него акт ни к чему не приводили.

В 1891 г. у близких Толстого созрела мысль освободить его от собственности путем раздела имения между членами семьи. Такое решение не только не являлось полным осуществлением намерения Толстого, но было серьезным отступлением от провозглашенного им принципа. Однако, не желая осложнять свои отношения с семьей, он решился на этот раздел (см. запись 18 апреля 1891 г.). Переговоры о разделе порождают разногласия среди детей Толстого, и это в свою очередь также тяжело отзывается на нем. «Ужасно, – заносит он в Дневник 5 июля 1892г. – Не могу писать... Грустно, грустно, тяжело, мучительно».

Лишь 7 июля 1892 г. состоялось окончательное оформление раздельного акта, и Толстой перестал быть владельцем своего имения.

Еще более тяжелые страдания доставляют Толстому раздоры в семье, связанные с его намерением отказаться от прав собственности на свои литературные произведения. Записи об этом проходят красной нитью через все Дневники 1891 г. «Не понимает она, – записывает Толстой в Дневнике 14 июля 1891 г. о жене, – и не понимают дети, расходуя деньги, что каждый рубль, проживаемый ими и наживаемый книгами, есть страдание, позор мой».

Тяжело Толстому не только от того, что его неопределенное и противоречивое положение порождает по его адресу многочисленные нарекания и упреки, но прежде всего потому, что эта кажущаяся непоследовательность ослабляет силу его обличений собственников и эксплуататоров. «Позор пускай, – пишет он в Дневнике 14 июля 1891 г., – но за что ослабление того действия, которое могла бы иметь проповедь истины».

В последующие месяцы Толстой со все возрастающей настойчивостью добивается своего и, наконец, одерживает частичную победу. 18 сентября 1891 г. в Дневнике записано: «Соня вернулась (из Москвы. – А. Ш.) хорошо. Я мучился ее молчанием о письме; но оказалось, что она согласна. Письмо 16 послал». Этим письмом, посланным 16 сентября 1891 г. в редакции и вскоре напечатанным в ряде газет, Толстой предоставил «всем желающим право безвозмездно издавать в России и за границей, по-русски и в переводах, а равно и ставить на сценах» все свои произведения, которые написаны с 1881 г., а также «могущие впоследствии, то есть после нынешнего дня, появиться сочинения». ³⁷ Это заявление также не осуществило намерений Толстого полностью, ибо за семьей сохранялось право собственности на его произведения, написанные до 1881 г., однако и частичный отказ от авторских прав претворил в жизнь одно из заветнейших желаний писателя и в этом смысле имел для Толстого огромное значение.

В Дневниках 1891–1894 гг. нашли отражение и переживания Толстого, связанные с преследованиями его со стороны царских властей и цензуры. Эти преследования выражались в запрещении произведений Толстого (например, «Крейцеровой сонаты», «Писем о голоде» и др.), также в прямой полицейской слежке, которая была установлена за писателем во время его пребывания в Рязанской губернии и в Москве.

Злобные нападки на Толстого со стороны монархических «Московских ведомостей» чуть не стоили ему свободы. Провокационно перепечатав из английских газет отрывок из запрещенных в России «Писем о голоде», черносотенная газета снабдила его следующим комментарием–доносом:

«Письма графа Толстого... являются открытою пропагандой к ниспровержению всего существующего во всем мире социального и экономического строя. Пропаганда графа есть пропаганда самого крайнего, самого разнузданного социализма, перед которым

Дневник, 1893 г. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
бледнеет даже наша подпольная пропаганда».38

Мракобесы всех мастей обрушились на Толстого с грязными нападками. Правительственные сатрапы во главе с министром внутренних дел Д. А. Толстым предложили пожизненно заточить писателя в Суздальский монастырь. И только мировая известность Толстого и страх самодержавия перед общественным мнением внутри страны и за границей спасли великого художника от тяжелых репрессий.

Толстой стойко переносил все гнусные выпады, которые делала по его адресу казенная печать. О своем отношении к возможным репрессиям со стороны самодержавия он писал в Дневнике:

«Представлял себе, как прокурор или жандарм будет требовать от меня подписки не писать ничего подобного, говоря, что у меня на это высочайшее повеление. Не может быть высочайшее, потому что у меня высочайшее – защищать братьев своих и обличать их гонителей. Есть только два средства заставить замолчать меня: или то, чтобы перестать делать то, что я обличаю, или убить меня, или запереть на век; действительно только первое, и потому скажите тем, кто вас послал, чтобы они перестали делать то, что делают» (запись 23 августа 1893 г.).

И действительно, не взирая ни на какие угрозы и преследования, Толстой продолжал в эти годы и своей общественной деятельности, и в произведениях обличать экономические и политические порядки самодержавной России, вскрывать «всю глубину противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс»,39 продолжал мужественно защищать трудовой народ.

А. И. Шифман.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРОМУ ТОМУ.

При воспроизведении текста Дневников и Записных книжек Л. Н. Толстого соблюдаются следующие правила.

Текст печатается по новой орфографии, но с воспроизведением прописных букв в тех случаях, когда в тексте Толстого стоит прописная буква. Особенности правописания Толстого воспроизводятся без изменений, за исключением случаев явно ошибочного написания. В случаях различного написания одного и того же слова эти различия воспроизводятся, если они являются характерными для правописания Толстого и встречаются в тексте много раз.

Случайно не написанные автором слова, отсутствие которых затрудняет понимание текста, дополняются в прямых скобках.

Условные сокращения – типа «к-ый», вместо «который» – раскрываются, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый».

Слова, написанные не полностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: т. к. – т[ак] к[ак]; б. – б[ыл].

Не дополняются: а) общепринятые сокращения: и т. п., и пр., и др., т. е.; б) любые слова, написанные сокращенно, если «развертывание» их резко искажает характер записей Толстого, их лаконичный, условный стиль.

Описки не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, случайно написанные в автографе дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

Ошибочная нумерация записей в тексте исправляется путем правильной нумерации, с оговоркой в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках [?] .

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1, 2, 3 и т. д. неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится лишь то, что имеет существенное значение.

Более или менее значительные по размерам зачеркнутые места (абзац или несколько абзацев) воспроизводятся не в сносках, а в тексте и ставятся в ломаных скобках. В некоторых случаях (например, в Записных книжках) допускается воспроизведение и отдельных зачеркнутых слов в ломаных скобках в тексте, а не в сноске.

Вымаранное (не зачеркнутое) самим Толстым или другим лицом с его ведома или по его просьбе воспроизводится в тексте, с оговоркой в сноске. На месте вымаранного, но не поддающегося прочтению, отмечается количество вымаранных слов или строк.

Написанное в скобках воспроизводится в круглых скобках.

Подчеркнутое воспроизводится курсивом. Дважды подчеркнутое – курсивом, с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного употребления); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) привносятся необходимые знаки в тех местах, где они отсутствуют, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях. При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит их у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие абзацы: 1) когда запись другого дня начата Толстым не с красной строки (без оговорок); 2) в тех местах, где начинается разительно отличный по теме и характеру от предыдущего текст, причем каждый раз делается оговорка в сноске: Абзац редактора. Знак сноски ставится перед первым словом сделанного редактором абзаца.

Перед началом отдельной записи за день, в случае отсутствия, неполноты или неточности авторской даты, ставится редакторская дата (число дня и месяц) в прямых скобках, курсивом.

Географическая дата ставится редактором только при первой записи по приезде Толстого на новое место.

Линии, проведенные Толстым между строк, поперек всей страницы, и отделяющие один комплекс строк от другого (делалось почти исключительно в Записных книжках), так и передаются линиями.

На месте слов, не подлежащих воспроизведению в печати, ставится многоточие (четыре точки).

Примечания, принадлежащие Толстому, печатаются в сносках (внизу страницы, петитом, без скобок и с оговоркой).

Переводы иностранных слов и выражений в тексте Толстого, принадлежащие редактору, печатаются в сносках в прямых скобках.

Слова, написанные рукой не Толстого, воспроизводятся петитом.

Рисунки и чертежи, имеющиеся в тексте, воспроизводятся в основном тексте или на вклейках факсимильно.

В комментариях приняты следующие сокращения:

Б, III – П. И. Бирюков, «Лев Николаевич Толстой», т. III – 1-е изд., Берлин (Ладыжников), 1921; 2-е изд., Госиздат, М. 1922.

ГМТ – Рукописный отдел Государственного музея Л. Н. Толстого АН СССР.

ДСТ, I, II – «Дневники С. А. Толстой»: I – 1860–1891, изд. Сабашниковых, М. 1928; II – 1891–1897, изд. Сабашниковых, М. 1929.

Дневник, 1893 г. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
ЕСТ – «Ежедневник» С. А. Толстой (рукопись).

«Летописи ГЛМ», 2 – «Летописи Государственного Литературного музея», кн. 2-я, «Л. Н. Толстой», М. 1938.

ПСТ – С. А. Толстая, «Письма к Л. Н. Толстому, 1862–1910», изд. «Academia», М. 1936.

ПТ – «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», изд. Общества Толстовского музея, СПб. 1911.

ПТТ – «Письма Толстого и к Толстому. Труды Публичной библиотеки СССР имени В. И. Ленина», Гиз, 1928.

ТЕ – «Толстовский ежегодник».

ТТ, I – «Толстой и о Толстом. Новые материалы», вып. I, М. 1924.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Фототипия с картины И. Е. Репина «Толстой за работой в кабинете под сводами». Между XXIV и I стр.

Автотипия страницы Дневника Л. Н. Толстого 1891 г. Между 44 и 45 стр.

1
[разражается.]

2
Зачеркнуто: поэтического

3
Зачеркнуто: Читал, думал за это время

4
Было написано: к движению материи затем последние два слова зачеркнуты и приписано: атомов.

5
Слово: Попов и следующее, неразобранное, вымараны в рукописи.

6
Зачеркнуто: Украл мужик лес, его посадили в острог, семья умирает с голода, другой

7
[«Семейное обозрение».]

8
Зачеркнуто: старик очевидно пьяница, полураздетый и с таким же фабричным, очевидно пьяница, с голыми плечами и коленками, в опорках, дрожащий и больной,

солдат

9

Зачеркнуто: И то и другое мученье, потому что хорошо пожертвовать своей едой, постелью раз, радуясь на свою добродетель и пожертвовать зная, что мы приносим этим какую-нибудь кому-нибудь пользу.

10

Зач.: Женщина колеблется.

11

Зач.: любви

12

Зачеркнуто: силами

13

[по ту сторону.]

14

Зачеркнуто: дело любви.

15

[Спасение в вас]

16

[Истинный сын свободы.]

17

В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 301.

18

«История ВКП(б). Краткий курс», стр. 6.

19

См. т. 62.

20

Запись 25 июня 1891 г.

21

Дневник, 1893 г. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

т. 66.

22

т. 66.

23

В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 30.

24

М. Горький, История русской литературы, ГИХЛ, М. 1939, стр. 296.

25

«Письма о голоде» – «Лев Толстой и голод», Нижний-Новгород, 1912, стр. 58.

26

Там же, стр. 56.

27

В. И. Ленин, Сочинения, т. 6, стр. 66–67.

28

В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 295.

29

большого дыхания,

30

Л. Н. Толстой, «Исповедь», изд. «Посредник», 1911, стр. 20.

31

т. 30, стр. 211.

32

Там же.

33

«Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым», Спб. 1914, стр. 426.

34

Дневник, 1893 г. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
лаун-тенниса

35
Т. 30, стр. 236.

36
Там же, стр. 478.

37
Т. 66.

38
Н. Гусев, «Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого», М. – Л. 1936, стр. 462.

39 В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 180.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://to1stoyleo.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!